

Василий Юрьев

НУЛЕВЫЕ

**Затишье перед
КАТАСТРОФой**

С СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Сергеевич Юрьев

Нулевые. Затишье перед катастрофой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505374

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман “Нулевые” рассказывает о реальности первого десятилетия нового века в России. Повествование начинается в конце девяностых и заканчивается протестами десятых. В центре сюжета простой постсоветский человек Михаил Власов. По сюжету ему предстоит пройти путь от обычного полунищего россиянина до одного из винтиков во властной вертикали. Задачей автора произведения был не только рассказ о времени через героя, но и возможность продемонстрировать нынешнюю мрачную и циничную постмодернистскую реальность. А так же предостеречь читателей мыслями о надвигающейся катастрофе в России.

Содержит нецензурную брань.

Василий Юрьев Нулевые. Затишье перед катастрофой

Василий Юрьев

НУЛЕВЫЕ. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД КАТАСТРОФОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Безвременье.

Михаил Власов появился на свет в начале семидесятых в Ленинграде. Его отец Пётр был выходцем из крестьян. Пётр работал школьным учителем, хотя впоследствии дорос до преподавателя ВУЗа, чтобы, в конце концов, стать перестроечным журналистом. Несмотря на своё скромное происхождение, Пётр был человеком весьма просвещённым. Мать Михаила звали Оксана. Она родилась в привилегированной номенклатурной семье, получила хорошее образование и смогла стать если не первоклассным, то хорошим хирургом, хотя по своему уровню просвещённости она всегда была крайне дремучим человеком, а её интересы никогда не

выходили за рамки быта. К тому же Оксана имела скверный характер, у неё не было близких друзей, а работа навсегда осталась для неё единственной сферой, где она чувствовала себя полноценно. Отношения с матерью у Власова не сложились. Она так и осталась в памяти Михаила человеком с болезнью духа, который имея тело взрослой бабы, остался на уровне подростковой девки. Но Михаил не делал из этого трагедии и относился к причудам материнского характера даже с иронией. Так что все симпатии у Михаила были связаны с отцом, который являлся типичным советским интеллигентом. Пётр был человеком мягким, но когда надо мог проявлять твердость. Он болел всеми интеллигентскими болячками вплоть до написания своего собственного опуса на тему: “Как нам обустроить Россию”. Власов учился в обычной советской школе и мечтал стать популярным перестроечным журналистом, каким был его отец. Михаил был в восторге от того магического влияние, которое имели в ту пору служители пера. Особенно ему нравились ребята из “Взгляда”. Но его планам по разоблачению режима не суждено было сбыться из-за тех событий, о которых мы все с вами знаем. Во времена перестройки гласность постепенно уничтожила веру в социализм с человеческим лицом, которая присутствовала в его семье вместе с наивным увлечением Лениным с последующим противопоставлением его Сталину. Потом уже после развала Союза перестроечная журналистика ушла в историю вместе с перестройкой, Пётр потерял рабо-

ту и вернулся к преподаванию. В суровые девяностые семья Михаила постепенно влезла бы в нищету, если бы не материнская жадность и скромные подарки от пациентов. Постепенно от мечты Михаила изменить мир не осталось и следа. А после школы он пошел учиться в мединститут, потому что был блат. Институт Михаил окончил хорошо, но устроился весьма средне.

Власов снимал квартиру у пенсионерки в обшарпанной панельной девятиэтажке со старой мебелью и соседями алкашами. Работа врача наполняла его жизнь каким-то смыслом и давала ему редкое кратковременное ощущение собственной важности. К тому же иногда он получал знакомые ему с детства подачки от больных. Но сейчас Власову было не до них. Михаил мог попасть под сокращение. Зарплаты и так особо ни на что не хватало, а мысль о том, что он мог потерять и её, не придавала Михаилу никакой радости. Он думал, что маленькие оклады у врачей это часть заговора государства против интеллигентских профессий. Интеллигенция в силу своей образованности может видеть изъяны государства, поэтому государство урезает их материальные средства. Власов захотел хоть как-то поднять себе настроение и переключился на телевизор. Пожилой мужчина читал лекцию. Власов любил отвлекаться от жизни, смотря всевозможный интеллектуальные передачи. Попутно занимаясь имитацией интеллектуальной деятельности у себя в голове.

“..... всякий исторический период имеет определённую

форму и содержание. В этом смысле советский период давал людям четкие ориентиры и рамки, за которые заходить было нельзя. Что делало реальность окружающего мира ясной и понятной для человека. Была некая система, в которой существовал советский полюс и антисоветский полюс. Но оба этих полюса по своей сути были советскими. С развалом Союза эти полюса оказались выброшенными из реальности. Казалось бы, после победы Ельцина власть должны были унаследовать демократы, антикоммунисты и всякие диссиденты, но она не могла перейти к ним, потому что они тоже были частью советской системы. Постепенно и они были выброшены из реальности вместе с КПСС и двадцатимиллионной армией коммунистов. А власть по старой истине от романтиков перешла к тем, к кому перешла.

Какое это имеет отношение к тому, что мы живем в уникальное время? Чтобы ответить на этот вопрос поговорим сначала о девяностых. В девяностые в российском обществе сложился уклад постсоветизма, который тоже имел свою идеологию, цели, рамки и особую общественную систему. Тем самым реальность девяностых опять была понятна людям. И вот теперь мы подошли к сути вопроса. После перехода в новое тысячелетие произошло постепенное размывание уклада постсоветизма, но на смену ему так и не пришло никакого нового уклада. Отсюда и все наши поиски национальной идеи. Пока безуспешные. Из этого следует, что мы с вами живём в эпоху безвременья. И именно это делает данный

исторический период в истории России уникальным. ....”

Его всё-таки уволили. Власов был удивлен таким поворотом событий, потому что потратил кучу времени на выстраивание хороших отношений с главврачом. Но усилия не прошли даром. Главврач обещал пристроить его через знакомого в аптеку.

Пустоту в душе, которую Власов заполнял работой, пришлось заполнять алкоголем. Михаил и так был человеком пьющим. И это было не только из-за его профессии и одиночества, а скорее от ощущения, что он не знает, как правильно жить свою жизнь. Алкоголь позволял забыться на короткий миг, но когда Власов просыпался с диким похмельем, личный социальный кошмар просыпался вместе с ним. Вот так вот. Когда-то давно Власов считал, что он-то точно сможет выбиться из толпы одинаковых серых людей на улице, но постепенно стал одним из них. Запой продолжался несколько месяцев. Он мог продолжаться и дольше, но кончились деньги на водку. У Власова было два выхода из ситуации. Он мог устроиться в поликлинику и лечить всяких старух и бомжеватого вида мужиков до конца жизни или попробовать себя в аптечном деле. Власов выбрал аптеку.

Знакомым главврача оказался низкий и худощавый азербайджанец Шамиль. Несмотря на комплекцию, он обладал завышенной самооценкой. Шамиль держал несколько аптечных ларьков в разных районах города. Михаилу достался страшноватый киоск с решётками на витринах возле мага-

зина “Универсам”. Работа сначала показалась Власову скучной. Он проверял рецепты и продавал различные лекарства. В конце недели к нему в киоск приходила жена Шамиля Фариды и забирала выручку. Михаил получал чуть больше денег, чем в больнице, но моральная отдача была меньше.

Ситуация резко изменилась, когда в ларек стали навещаться местные любители аптечной наркомании. К бомжеватого вида мужикам потребителям всяких боярышников Власов относился спокойно. Он сам иногда был не прочь употребить это дело в разбавленном виде, когда болела душа. Слово толпы ходячих мертвецов, наркоманы стягивались в аптеку за лекарствами от суровой реальности. Михаилу пришлось ознакомиться почти со всеми представителями аптечной наркокультуры, но Михаил не был испорченным капиталистической моралью человеком. Власов настойчиво проверял рецепты у трамандольщиков и не отпускал больше пачки Коделака в руки. Наркоманы отвечали бурным негодованием.

Однажды вечером по витрине киоска постучали. Михаил открыл окошко. Это были два мутных типа. Один из них еле стоял на ногах, второй смотрел на Михаила безумно расширенными зрачками.

– Слышь, доктор, есть чё? – спросил вампироподобный юноша лет двадцати.

– Моя аптека не наркоманский притон. Вы показываете рецепт либо идёте ширяться в другое место, – сказал Власов.

– Ща я тебе покажу рецепт.

Наркоман резко пырнул Власова откуда-то взявшимся ножом, нехило порезав Михаилу правую руку. Власова спасло только то, что он смог увернуться и закрыть окошко. Оба наркомана стали с криками ломиться в ларёк. В этот момент Михаил понял, зачем нужны были решётки на окнах. Рука сильно кровоточила. Кровь прекрасно сочеталась с белым халатом Михаила, делая его похожим на доктора из фильма ужасов. Превозмогая страх, Власов стал судорожно искать травматический пистолет, который выдал ему Шамиль для таких ситуаций. Наркоман выбил окошко ногой, в ларек проникла рука с окровавленным ножом. Внезапно Михаил вспомнил, что Фарида убрала пистолет в коробку с пачками Корвалола. Наркоман почти пролез в киоск и уже был готов зарезать Власова, но Михаил выстрелил ему в грудь. Корчась от боли, наркоман бросился бежать, Власов дважды выстрелил ему в спину, наркоман упал на асфальт. В это время его друг продолжал ломиться в ларек через решетки, не понимая происходящего. Михаил напомнил ему о реальности выстрелом, наркоман отскочил от киоска, огляделся и побежал к лежащему приятелю. Власов перезарядил пистолет, выбежал на улицу. Второй наркоман помогал первому идти, тот еле стоял на ногах.

– Хрен с ними. Надо вызвать скорую, – думал Власов.

Шамиль выделил Михаилу охрану в лице двух молодых азербайджанцев Мусы и Ибрагима. Муса недавно приехал

в Санкт-Петербург на заработки и ещё не совсем освоился, да и по-русски он говорил и понимал плохо. Дома у него была жена с ребёнком. Ибрагим же плохо говорил по-азербайджански, потому что родился в Петербурге. Пару месяцев назад он поступил в экономический университет. К тому же Ибрагим профессионально занимался борьбой и имел какие-то награды. Власов побаивался их. Особенно Ибрагима. Но к его удивлению они сдружились и даже иногда ходили вместе курить кальяны. Но представители наркокультуры не думали отпускать Михаила. Правда, серьёзных стычек было всё меньше. Рука Власова проходила и не так сильно болела.

Как-то ближе к ночи в ларек пришла молодая пара. Прекрасный образ девушки заворожил Власова. Она смотрела на Михаила, как будто бы была виновата перед ним. Даже привычная ночная публика в лице алкоголиков и полубомжовых элементов, которые гнездились возле кафе “24 часа”, но иногда заходили в аптеку, обратили внимание на неё. Ситуация усугублялась отсутствием охраны. Ребята отмечали чей-то день рождения.

– Нам так плохо, – начала она. – Пожалуйста, дайте чего-нибудь. Очень больно.

То ли из жалости перед ней, то ли от нежелания скандалить с ней при алкашах Власов швырнул на влажный асфальт пачку нужного им обезболивающего. Всё-таки был шанс, что кто-то из мужиков полез бы её защищать.

– Большое спасибо, – радостно промолвила она.

После чего подобрала таблетки, взяла под руку парня, и они удалились.

Её лицо надолго въелось в сознание Михаила. Власов не мог понять, почему девушка такой исключительной красоты так бездарно относится к своей жизни? Уже потом Власов корил себя за то, что так по-хамски с ней обошёлся. Он должен был хотя бы попробовать познакомиться с ней.

Чудо всё же произошло, но Власову пришлось ждать его пару месяцев. На этот раз была уже совсем ночь, девушка была одна, а охрана была на месте. Вид у неё был потрепанный и нервный. На ней был мужской спортивный костюм с выдавшей виды курточкой на молнии.

– Нужна ваша помощь, – она еле выговаривала слова. – Там ... вы врач? Помогите.

Расспросив её, Михаил понял, что с её приятелем случилось что-то плохое. Власов не особо горел желанием помогать ему, но девушка была на грани срыва, а Ибрагим встал на её сторону. Вместе они убедили Власова. В конце концов, у Ибрагима было оружие, и он вроде бы был каким-то борцом. Так что Власов не побоялся идти с ним в притон, но травматический пистолет всё-таки взял. Оказалось она жила неподалеку в двенадцатиэтажке. Охранник пытался её разговорить.

– Тебя как звать-то? – вдруг спросил Власов.

– Аня ... меня зовут Аня. А ... а тебя?

– Михаил Власов.

– У неё походу шок, – думал Власов.

Квартира Ани не оказалась притоном. Это была вполне себе обычная двушка, только вот мебели в ней было мало, то, как и прочего убранства. В помещении стоял дурной запах. Аня вела Власова в спальню, Ибрагим шел впереди. Михаил мельком оглядел гостинную. Голые желтоватые стены с грибком по углам, на тумбочке стоит телевизор, а напротив него диван который, скорее всего, притащили с помойки.

– Фу, бя! – вырвалось из Ибрагими, после чего он покинул спальню. – Я тебя за дверью подожду. Давай только побыстрому, – сказал он Власову.

В спальне было всего лишь два матраса с пожелтевшими простынями, одеялами и подушками. По углам были разбросаны пустые пивные бутылки. На подоконнике рядом с каким-то растением красовалась недопитая бутылка водки. Тусклый свет освещал лежащего на одном из матрасов парня.

– Слава, вставай! Слава! – у Ани началась истерика.

Слава лежал на матрасе лицом в рвоте. Из одежды на нём были только джинсы. Власов видел, как кал медленно впитывался в них. Аня в слезах бегала вокруг матрасов, потом начала трясти Славика в надежде, что он очнётся. Но он не очнулся.

– Так. Давай перевернём его на бок, – сказал Власов.

Вместо этого Аня села на корточки, её лицо покраснело, она стиснула зубы и стала выть. Слезы текли из её глаз. Вла-

сов проверил пульс у парня. Пульса не было. Тогда он перевернул его тело на спину. Он заметил рядом с матрасом тарелочку. На ней лежал шприц, жгут, ложка и все остальные наркоманские дела. Аня успокоилась. Лицо Славика было выпачкано в рвоте, взгляд его остекленевших глаз был одновременно удивленным и тупым. В тот раз Власов не обратил на него внимание. Он вообще не обращал особого внимания на мужчин. У Славика были татуировки в виде змей на руках, он обладал спортивным телосложением и внешностью мужчины с обложки журнала. Несмотря на все обстоятельства.

– Со стороны жизнь кажется комичной, но при близком рассмотрении она в большинстве случаев – глубокая трагедия, – думал Власова.

Тоска нахлынула на него, хотя вообще он видел вещи и похуже.

– А если бы это был какой-нибудь алкаш с церозом за шестьдесят, парился бы я? – Власов задумался.

Он вспомнил про Аню, так что ответа на этот вопрос не последовало. Аня сидела на полу, рядом с ней была такая же тарелка с наркоманскими принадлежностями. Её взгляд был направлен в пол.

– Ещё этого не хватало, – сказал Власов.

Он хотел привести её в чувства, но безуспешно. В конце концов, она повалилась на пол и начала махать ногами и руками.

– Ну, всё. Валить надо отсюда. Но куда? Мы уже и так засветились, – думал Власов.

Власов отдал пистолет Ибрагиму.

– Тут полная жопа, надо ментов вызвать и скорую. Давай иди к Мусе в ларек, закройте его, я как тут закончу с этой дурой, то пойду в ларёк спать. Утром увидимся короче, – они попрощались.

Власов взял пакет и убрал в него Анины наркоманские приспособления.

– У тебя есть в доме наркота? Алё?! – он обратился к Анне.

Но ответа не последовало. Власов обыскал всю квартиру, но так и не нашел ничего. Правда, уже потом обнаружил героиновую заначку под матрасами.

– Как предсказуемо, – думал он, выкидывая наркомусор в мусоропровод.

Власов ожидал, что милиция отвезёт его в участок и будет долго допрашивать, но увезли только Аню. Вообще вся процедура заняла не так уж много времени. Власов вернулся в ларёк и сразу же уснул. Утром его разбудили охранники.

Через несколько недель Аня опять появилась в ларьке. Одета она была во всё те же спортивные, выглядела она ещё хуже, и в довершении всего у неё был синяк под левым глазом. Её трясло и лихорадило. Власов сразу понял, что у неё началась ломка. Аня убеждала Власова дать ей одно лекарство, но Михаил не соглашался. Она начала истерить и нести

всякую ахинею. В конце концов, Ибрагим дал ей нужное лекарство и более того. Даже пустил её в ларёк. Погреться. Аня тут же открыла коробочку и скушала несколько таблеток, подобно тому, как бывалый алкоголик выпивает стакан водки. Мотивы Ибрагима были понятны Власову, но вот согласие Анны вызывало у Михаила вопросы. Ответ на них Власов получил, когда Аня сказала, что её выгнали из дома. Про синяк она не сказала ничего. Ибрагим сразу понял, в чем дело и пытался уломать её пойти к нему переночевать, но Анна не соглашалась. Тут никаких вопросов у Власова не было. Он бы и сам не пошел ночевать к Ибрагиму. Муса же был человеком более простоватым и от этого консервативным и вообще не обращал на неё никакого внимания. Аня так и просидела в ларьке до конца смены Власова, а Михаил к этому моменту успел потерять к ней всяких интерес, наблюдая за тем, как она флиртует с Ибрагимом. Но вот когда он уже попрощался со всеми и пошел домой, у магазина “Универсам” его настигла Аня.

– Слушай, можно к тебе пойти. Мне буквально на денёк, – начала она.

– Да не вопрос, – согласился Власов.

Власов дал ей свою куртку, но её всё равно трясло всю дорогу. Первым делом, придя в квартиру, Аня заняла туалет. Власов всячески гнал от себя мысли о том, что она могла там делать. Хотя после того как она это сделала, она там долго убиралась. Потом она заняла уже ванну. Михаил в это время

слушал по радио передачу о политике.

“К концу девяностых идеология постсоветского капитализма полностью себя исчерпала вместе с её основными идеологами, а правящая группировка выбрала новую podporку для себя, которой стали выходцы из советских спецслужб, а наши бандиты тем временем сменили малиновые пиджаки на уютные думские кабинеты. Народ одобрил даже намёк на сильную руку, потому что в стране, где к крепостному праву за годы советской власти снова привыкли, сильная рука была самой понятной формой правления.....”

– Чё, интересно такое слушать? – спросила Аня.

Власов не заметил как она села в кресло рядом с диваном. После ванной она выглядела куда красивее. На вид ей было лет восемнадцать, но Власов сильно в этом сомневался. У неё была смуглая кожа, атлетическое телосложение, тонкая талия и длинные ноги, но вот её грудь обладала весьма скромными размерами. Её овальное лицо с тонкими скулами было симметричным, у неё был маленький рот и ровный нос. Её каштановые волосы были сцеплены на резинку. Светло-карие глаза Ани излучали жизнелюбие, которое было присуще всему её естеству. Но синяк под глазом портил ей весь образ.

– Уютная у тебя квартирка. Как у бабушки, – нагло вато сказала она.

– Это и есть квартира бабушки. Бабушки Тани. У тебя синяк откуда?

– Тебе-то какое дело? Откуда надо. Мне бы снотворное какое-нибудь.

– Этого добра у меня предостаточно.

– Можешь мне ещё денег в долг дать тысячу где-то или две. Я тебе в ларек занесу потом. Через месяц, – теперь её голос стал уже грубым.

– При первой встрече я не думал, что ты такая гопница, – Власов рассмеялся. – Чё как хмурый отпустил, так сразу нутро попёрло?

– Блин, да меня сейчас кумарить начнет и нужно быстро ведро покупать и консервы.

– У тебя хотя бы родственники есть какие-то?

Она не ответила.

На следующий день Власов рассказал всё охранникам. Ребята были рады за него.

– Ты главное трахни её за всех нас, – говорил Ибрагим.

Аня же активно боролась с ломкой. Было видно, что для неё это не в первый раз.

– Миша, а можно ещё на денёк у тебя остаться? – спросила она, отвлекшись от опустошения желудка в ведро.

– Можно.

Денёк перерос в недельку, а неделька в две. Всё это время Власов надеялся на то, что вот-вот и настанет долгожданный момент их близости, но он всё не настаивал. Постепенно Власов совсем отчаялся, особенно вспоминая её Славика и его исключительную внешность. Внешность же Власова бы-

ла совсем обычной. Аня спала на диване, рядом с ним стояло её красное ведро. Она почти ничего не ела и сменила спортивный костюм на старую одежду Власова. Вся её жизнедеятельность проходила между диваном и туалетом с ванной. Под конец второй недели она сильно ослабла, но потом вроде бы начала возвращаться к жизни. Как-то в один из вечеров пятницы Власов пил за столиком на кухне. К нему подседа Аня. На ней была его рубашка и его семейные трусы.

– Бухаешь? – Власов уже привык к наглому тону Ани.

– Что-то вот ты хоть провалялась неделю на диване, но еще больше отощала.

– Ниче, – она улыбнулась. – Когда я в первый раз слезала, меня бабка на месяц заперла в комнате на замок. А она жила в поселке городского типа в доме. Так что ори не ори, всё равно тебя никто не услышит.

– Пить будешь? – перебил её Власов

– Я не пью.

– А че это у тебя за бутылки были в квартире?

– Осталось от вписки.

– Значит, только колешься?

Наглость покинула ее, и она снова приняла тот виноватый вид, который делал Аню просто ангельски прекрасной в глазах Власова.

– Тогда ... в тот день у нас кумары пошли, а друга нашего, который нам всё доставал посадили недавно. И нам другой знакомый достал две дозы и Слава. Мы ещё не знали, что

какой был, ... я укололась, ... мне вроде нормально стало. А его так ломало ну и он больше чем нужно, ... а потом ну ... всё.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Сука, какой же он был красивый! Бля, ... какой он был красивый! Слава, Слава. Ааа! Сука!

Власов налил ей стакан водки.

– Попей. Легче станет.

Она посмотрела на него. Её лицо было залито слезами.

– Нет! Не буду! Не буду я! – она продолжила реветь.

Власов выпил за неё. Потом пошел смотреть телевизор. Аня плакала в одиночестве. Михаил щелкал каналы в поисках старичка с лекциями, но так и не смог его найти и в итоге довольствовался просмотром очередной передачи о политике.

“Демократы и так называемые “патриоты” люди очень разные, но в одном они, безусловно, похожи. Вся их промышленная политика зиждиться на изнасиловании, построенной на костях лагерных зеков советской инфраструктуры. Конечно, добывающая промышленность развивается у нас семимильными шагами. Ведь основная философия власти сродни бандитской среде, из которой она произрастает – “украсть и продать на Запад”. В конечном итоге под пафосные заявления об “энергетической супердержаве” Россия стала сырьевым придатком Запада. Более того. Сегодня атомизируется и впоследствии разрушается само российское общество. Мож-

но критиковать советскую власть за многое, но тогда у народа было какое-то общее дело. Были какие-то цели. А сейчас мы как крепостные крестьяне живём. Непонятно с какой целью рождаемся. Понимаете? Нету цели. Нету. Люди не планируют, боятся будущего. Живут сиюминутными интересами от зарплаты до зарплаты. Это всё симптомы вырождения....”

Ночью пока Власов спал, Аня легла рядом с ним и обняла.

– Вот скажи мне, Миша, у тебя есть мечта? – тихо сказала она.

– Что ... мечта? Я, – Власов зевнул, – Хочу, чтобы коммунизм был на всей земле.

Вдруг её просто отшвырнуло от Власова.

– Ты чё из этих? – с удивлением спросила она.

– Из каких этих?

– На митинги ещё со старпёрами ходишь?

Власов рассмеялся.

– Не. Это же фраза из фильма “Курьер”.

– У меня мать из этих. Сколько себя помню, она постоянно ходила на митинги, потом постепенно спилась от безысходности. Это она меня в глаз ударила.

– Поэтому ты не пьешь?

– Да! – она чуть разозлилась, – Поэтому не пью. Когда меня менты забрали тогда, мать меня потом забирала из обезьянника.

– Слушай, а как милиция наша отреагировала на то, что

ты была под наркотой тогда?

– Да им там вообще похуй было. Блин, ну пофиг было. И ментам и врачам тем.

– А папа твой, что тебе сказал?

– Ничего. В тюрьме он.

– Интересная у неё житуха, – думал Власов.

– Мой папа раньше работал в журнале “Вестник гласности”, с Яковлевым общался. Он к ним иногда в редакцию заходил. Но как перестройка кончилась, его журнал кончился вместе с ней. А после девяносто третьего года он вообще основал газету “Наша Советская Родина”. Функционируют только за счет пожертвований.

Аню снова передернуло.

– У меня в квартире поверх этой “Родины” обои поклеены, – она рассмеялась. – Помню, когда я ещё в школу ходила, то по субботам мать устраивала у нас дома заседание революционной ячейки вместе с такими же отмоороженными пенсионерами. Они там зачитывали эти газетки, “Родину” твою, песни пели совковые, а потом в воскресенье надевали косыночки и шли в храм.

Власов рассмеялся.

– Так чё, Миша, у тебя есть мечта? – она снова легла рядом с ним и обняла его.

– У меня давно нет никакой мечты. Жизнь победила меня. Я просто живу или пытаюсь жить. Вот недавно машину себе купил. Подержанную иномарку.

– Как-то тухло у тебя всё. Блин. Я вот всегда мечтала стать известной певицей. Разбогатеть и уехать жить в Москву. Примитивная мечта, да? Наверное, считаешь меня быдланкой какой-нибудь?

– Нет. Нормальная девчачья мечта.

– Я танцевала в ночном клубе. Со школы танцами занимаюсь. Это, наверное, единственно, что у меня хорошо получалось делать, а вот работа эта была дерьмовой. Постоянно пляшешь перед толпой озабоченных отвратительных пьяных мужиков. И как назло всегда когда я танцевала случалась всякая хрень. Меня разок, – она рассмеялась. – Какой-то бухой мудака хотел похитить.

– Тебя завернули в ковер и утащили?

– Не. Он хотел стащить меня с помоста, я уцепилась за шест, но его потом быстро охрана отпиздила. Я Славика своего там и встретила. Это был единственный приятный момент за всё время в клубе. Он пришел с какими-то людьми. Когда я вышла танцевать, он подошел к помосту и просто смотрел на меня всё это время, не обращая внимания на свою компанию. Потом он прождал меня несколько часов до конца моей смены. Я ушла с ним и больше не возвращалась в этот поганый притон. Он тоже с работы своей ушел. И мы пробыли с ним в его квартире где-то год. Это был лучший год в моей жизни.

– А Славик кем работал, если не секрет?

– Блин, ну он грузчиком работал, а так Слава спортсмен.

Боксер. Всем рожи бил и иногда мог что-то ценное притащить. Приятно было. Я его так любила. Он был у меня первым.

– Что-то я в этом сомневаюсь. Учитывая, как ты себя ведёшь.

– Это правда! – она злилась. – Сука, да, бля, мне многие уебаны предлагали отношения, но я не сплю с первым встречным мудаком, как ты думаешь! Я влюбилась в него сразу же. И он в меня. Это была любовь, понимаешь?

– Понимаю.

– Понятно всё с ней. Гопница из маргинальной семейки с полууголовным дружкой ... и такая красивая девушка. Не правы были писаки. Духовная красота, конечно, выше красоты физической, ... но кому она нужна в наше-то время? – думал Власов.

Постепенно их с Аней разговоры стали всё более длинными. Власов завидовал Аниной уверенности в себе и оптимистическому взгляду на действительность. Власов думал, что её нагло-агрессивное поведение было некой защитной реакцией на уровне рефлексов. Как у животных.

– Ничего. В её возрасте я тоже хотел разоблачать тюрьму народов. Подрастёт и завоюет, – думал он.

Власов всё больше привязывался к ней. Михаил видел или хотел видеть, что под слоем гопоты в Ане живет хорошая и добрая девочка, которой нужно немного любви и заботы, чтобы выйти наружу. Правда, теперь надежды на их близость

становились всё более иллюзорными. И когда Власов совсем уже отчаялся, он решил сам поставить вопрос ребром во время их очередного вечернего разговора.

– Расскажи-ка мне вот что, – её глаза игриво заблестели. – Я тебе рассказала всё про моего Славу, а ты мне не рассказал ничего про свою первую. Если она у тебя вообще была? – она улыбнулась.

– Вот это поворот, – думал Власов.

– Эх, – Власова охватила сладостная ностальгия, – В классе десятом я на летних каникулах месяц прожил на даче у родственников в Сочи. И по соседству жила там одна моя подруга детства. Мы с ней гуляли целыми днями, на море ходили, пикники устраивали. Хорошее время было. И вот ещё что самое приятное: там поблизости одни пенсионеры да мелкие пацанята и девочки. Так что мы проводили всё время вдвоем. И вот как-то моя тетка ушла с дядей на ночь к подруге, а я спать не пошел, а пошел гулять. У нас рядом с дачей было озеро, ну, я думал там залечь.

Аня слушала Власова с явным интересом и разрастающейся улыбкой на лице.

– Смеркалось. Я расстелил покрывала на берегу и пошел искать дерево для костра. Вокруг ни души. Только сверчки стрекочут и птицы поют. А так место это было популярным среди молодежи. Я насторожился. Сейчас я бы наверно испугался и ушел к себе в домик спать, но тогда. Была приятная загадочность во всём этом. И я вижу как из леса. Не со

стороны посёлка, а из леса к озеру идет девушка. И главное в лесу этом вообще ловить было нечего. Там чтобы пройти его и выйти к трассе автомобильной, надо было идти где-то полдня. К тому же была ночь.

Аня рассмеялась.

– Что? Не нравится?

– Нет. Давай. Продолжай, – сквозь смех говорила она.

– Я сначала испугался девушка вроде незнакомая. Высокая с длинными распущенными темными волосами и на ней такое простое белое платье времён СССР. А потом пригляделся. А это Надя моя! А она вообще красивая сама по себе была. Блондинка. Кровь с молоком. Я её поприветствовал, а она чё-то тоже меня не заметила сразу же. Но потом шла ко мне. Я к тому времени уже покалено в воде стоял. Она разделась и медленно подошла ко мне и поцеловала. Я был удивлен... – недоговорил Власов.

Хохот Ани прервал его рассказ.

– Извини. Говори дальше.

– А о чем тут говорить, – Власов чувствовал себя оплеванным, – Ну случилось это у нас. Потом ещё случилось только уже на подстилке.

Сообразив в чем дело, Аня села Власову на коленки и обняла.

– Ну, извини меня, ладно? Я больше не буду, – она лукаво ухмыльнулась.

– У меня такая девушка могла быть только в те времена, –

пару секунд подумав, сказал Власов, – Тогда люди другие были. Я же потом на ней жениться хотел, но после школы она сразу же вышла замуж за иностранца и свалила в Нью-Йорк. Родила ему двоих детей, потом развелась с ним и открыла русский магазин. Сейчас она где-то девяносто килограмм весит. Вот. И остались у меня о Наде только одни воспоминания. А ведь эта ночь на озере была лучшим моментом в моей жизни.

– А у меня не было никаких лучших моментов в жизни, – Аня вздохнула и положила голову на плечо Власову.

– Серьёзно? Даже в детстве?

– Блин, ну хотя был один момент, но ты его не оценишь. Не было в нем никакой приятной загадочности, – она улыбнулась.

– Ну, говори.

– Так уж и быть. Был у меня такой вечерок, когда мы только со Славой открывали для себя новый уровень любви. Мы укололись и потрахались. И я потом ещё лежала на матрасе вжаренная и уколотая. Такой кайф был.

Внезапно Михаил ощутил огромную пропасть между ним и Аней. Отчего ему хотелось плакать.

– Нет. Мы с ней никогда не сойдёмся. Никогда, – думал он.

– О чем задумался? – она улыбнулась, попутно засунув руку ему в трусы.

– Ты что это делаешь?

– А ты как думаешь?

– Прекрати, – неожиданно для себя произнес Власов.

– Что прекратить?

– Тебе сколько лет?

– Сколько надо, – грубо ответила она.

– Послушай, а вот ты меня любишь как своего Славика?

– Ты что, дурак?! – Аня дала Власову пощечину. – Мудак ебаный!

Она разревелась и ушла в другую комнату. Власов остался один.

– Дура. Перебила меня на самом интересном месте, – думал Власов.

Он так и не рассказал ей, чем кончилась история с озером, потому что на следующий день, когда Власов вернулся домой, в квартире не были ни Ани, ни недавней зарплаты, ни его ноутбука.

Путь к правильной жизни.

Власов уволился из аптеки. Шамиль плохо воспринял такое решение и затребовал с Власова выходное пособие, но ребята из охраны за него вступились. Они в принципе понимали Власова. Напоследок Михаил повёл их курить кальян, после чего Ибрагим всё-таки спросил у Власова.

– Ты её трахнул-то?

– И не раз, – подтвердил Власов.

Говорить правду означало ещё больше втаптывать себя в грязь. Вообще Анин уход по-английски воспринимался Михаилом болезненно, но постепенно Власов даже испытывал некое чувство приятной ностальгии, вспоминая её пребывание в его квартире, которое постепенно перерастало в некое неисследованное Власовым чувство.

Власов не понимал, как он будет жить без денег. За квартиру будет нечем платить, но самое страшное – кончатся деньги на алкоголь. Видимо Власов всё-таки пошел бы работать в поликлинику, если бы не внезапное сообщение, посланное на его мобильный телефон.

– Миша. Не узнал? – гласило оно.

Это был давнишний знакомый Власова Николай Петров. В виду своего социального бедствия Власов меньше всего хотел общаться с Петровым, который имел хороший бизнес. Николай был одним из тех замечательных людей, которые отказались от всяких там норм морали, чести и совести ради приятной жизни и добились этой жизни. А Власов так не мог, и это вызывало в нем даже какую-то зависть.

Делать было всё равно нечего, и Власов позвонил ему. После расспроса о знакомых и разговора на общие темы Петров вдруг обмолвился, что у него есть долг перед Михаилом. Власов заинтересовался. Долг подразумевал деньги, а денег всегда много не бывает.

Петров назначил встречу в японском ресторане. В последнее время Россия переживала бум японской кухни. Причи-

ной всего этого было наверно то, что советский человек видел особую эстетику в суши и роллах, которую не могли ему дать пельмени с макаронами. Николай сидел за столом в углу. Это был высокий и толстый человеком с физиономией напористого кабана, дорого одетый с золотыми часами на руке. Михаил оделся скромнее. На нем были потертые джинсы, шерстяной свитер и кожаная куртка. Власов подсел к нему, у них сразу завязался разговор.

– Конечно поднятие России с колен это всё очень хорошее занятие. Но мне всё равно кажется, что нас опять обдурят, – начал Петров.

– Я оптимист. Все-таки новый президент сам ходит, сам говорит и не пьет. Мне хочется верить, что кампания против централизации ресурсов олигархов направлена на распределение этих ресурсов в руки русского народа.

– Ты это по телевизору узнал или это тебе сами олигархи сказали?

– По телеку.

Петров ехидно улыбнулся.

– Телевиденье в России это филиал идеологического отдела ЦК. Хочешь, я объясню тебе, что будет?

– Ну, давай, – согласился Власов.

– Дело в том, что мы вступили в новую эпоху. Первоначальное накопление капитала закончилось. Началась эпоха удержания накопленного капитала. Все эти олигархи – это новая версия красных директоров. Уже ясно, что президент

делает всё возможное, чтобы получить самостоятельность и стать главным олигархом страны. Страну ждёт новый передел собственности в пользу ставленников президента за счет тех олигархов, которые не захотят быть красными директорами. А о народе в этой стране никто уже давно не думает, да и не думал никогда.

– В депутаты метишь? – с улыбкой спросил Власов.

– Предприниматель в России помимо знаний экономики должен уметь тонко чувствовать политическую обстановку. Ладно, я ведь позвал тебя сюда не просто так.

Петров достал из внутреннего кармана пиджака скрученную тетрадь и передал её Михаилу. На тетради было написано “Черновик”.

– Можешь мной гордиться. Твой папаша помог мне избавлять мир от глупости и защитить диссертацию. А, да, – Петров снова порылся в пиджаке и достал толстый конверт. – И избавили меня от нужды платить взятку.

– У тебя совесть есть вообще? – спросил Власов.

– Понимаешь, Миша, всегда легче быть обычным человеком. Быть необыкновенным человеком сложно и даже страшно. Жизнь проглатывает обычных людей с потрохами. Только необыкновенный человек может действительно подняться, потому что жизнь не понимает, как с ним бороться. Ты умный парень и мог бы стать кем-то, если бы не был таким трусом. И, кстати, о совести, – Петров передал конверт Власову.

В конверте лежала пачка долларов. Продолжать разговор не было смысла, Власов нехотя взял деньги и тетрадь, затем удалился проч. Петров проводил его нахальной ухмылкой, он понимал суть ситуации. Но обо всем по порядку.

Дело было в том, что отец Власова Пётр имел определенное хобби. Он был продолжателем дела А.И. Солженицына в обустройстве России. В ходе своего обустройства он выработал собственную концепцию. Она, конечно, была интересной, но не такой как тот материал, который он накопил в ходе этой работы. Весь материал был собран в этом самом “Черновике”. Николай Петров был аспирантом на кафедре философии, где познакомился с Петров Власовым и впоследствии сдружился с ним. В дальнейшем отец Власова предложил Петрову работу в газете и постепенно Николай стал чем-то вроде друга семьи. Власов познакомился с ним во время празднования дня рождения отца. Позже пока Власов учился в вузе, он несколько лет снимал вместе с ним квартиру, и ему приходилось как-то общаться с Петровым. Николай был старше Михаила, это был человек с весьма скверным характером и кучей нереализованных амбиций, но Власов как-то смог наладить с ним общий язык и воспринимал его некого старшего брата. Как только газетка “Вестник гласности” пришла в упадок, Петров перестроился и вписался в рынок. “Черновик” он видимо прикарманил во время увольнения. К счастью у Петра Власова были копии. Он сделал их, на случай если гласность свернут, а в КГБ запомнят все име-

на. Позже Петров прошел путь от полубандитского ларечника до перспективного бизнесмена, который параллельно ещё вроде бы занимается какой-то наукой.

Дома Власов понял, что деньги эти он оставит себе. Ему было глубоко стыдно и противно признавать это, но другого выхода он не видел. К тому же он не хотел беспокоить родителей своими проблемами. Чтобы хоть как-то избавиться от мысли о собственной ничтожности Власов напился в хлам.

– Надо бежать. Бежать прочь из этой жизни, – думал он.

Такова была его последняя мысль, перед тем как вырубиться. Власов проснулся рано утром лёжа на полу лицом в рвоте. Это был полный провал по всем показателям. Фиаско. К тому же в квартире ощущался странный запах гари. Преодолевая острую головную боль, Михаил встал, осмотрелся. В квартире всё было в норме, дым шел с лестничной площадки.

– Опять мудацье мусоропровод подпалило, – думал он.

– Леопольд, выходи! – раздался крик.

В дверь пару раз постучали ударом ноги. Звонок не работал со времен перестройки. Власов метнулся к двери и понял, что это она горела.

– Выходи, подлый трус!

Власов оцепенел в страхе. Пару секунд он стоял как вкопанный, холодный пот выступал на его теле, потом он быстрым рывком убежал в гостиную и спрятался там в шкафу. Он накрылся одеждой и впал в мучительное ожидание.

– Не хочу сдохнуть вот так. Я даже и не жил ещё, – думал Власов и стряся от страха.

– Вылезай, пидор! Пришел твой последний день, доктор хуев!

– Всё равно прирежем! – сказал писклявый голос.

– Вы, блядь, что здесь делаете нахуй!? Бабу Таню пришли грабить? – раздался громкий бас.

– Какую к черту старуху? Вали отсюда, мудака старый. А то сейчас тоже огребать будешь.

– Да? Ну ладно, – сказал громкий бас. – Я тогда пойду. Можно?

Власов узнал голос соседа Гены. Когда-то он воевал в Афганистане, а сейчас был доживающим свой век алкоголиком. Михаил побаивался его и всегда старался не попадаться ему на глаза. Началась драка, Михаил слышал, как один из нападавших шлепнулся на пол. Михаил всё думал, были ли это те самые двое или это были какие-то другие? Когда приехала милиция, Власов узнал о том, как Геннадий героически сразил нападавших. После этого случая Власова сразу же выгнали из квартиры. К тому же ему пришлось оплачивать ремонт двери, так как последние деньги наркоманов были пущены по вене ещё в прошлом месяце.

Пару дней Власов бомжевал у себя во дворе. Благо теплая летняя погода позволяла ему спать на скамейках. Утром его прогоняли пришедшие опохмеляться алкоголики и бомжи. В конце концов, он решил пожить у друга детства Леонида

Зайцева. Тот как-то предлагал Власову пожить у него в квартире, но Михаил отказался из чувства гордости за перспективное врачебное будущее. Власов созвонился с Зайцевым, тот с радостью согласился принять Михаила.

Леонид Зайцев был ровесником Власова. Это был крепкий коренастый светловолосый юноша с простыми русскими чертами лица. В конце восьмидесятых его отец и дядя вместе с парой друзей открыли кооператив по продаже компьютеров, который после развала СССР быстро перерос в успешную фирму. Леонид работал там с тех пор как вернулся из армии, попутно довольствуясь всеми прелестями обеспеченной жизни.

В первый раз в жизни у Власова появились какие-то деньги. Примерно двадцать тысяч долларов. Власов мог жить на них несколько лет. Поэтому, переехав к Леониду, Михаил забил на работу и решил просто радоваться жизни. Зайцев жил в просторной дорогой квартире в элитной новостройке с мебелью как в западных фильмах. Первые месяцы Михаилу нравилось беззаботное существование. Стандартный алкоголизм на почве безысходности скрашивал тот факт, что Зайцев выращивал различные сорта марихуаны для личного пользования и частенько водил к себе в квартиру всяких молодых девушек низкого происхождения и низких моральных устоев.

Однажды Власов ненароком пересёкся с подобными дамами. Он мирно покурил косяк, когда Зайцев вдруг появился

в квартире с двумя пьяными молодыми девушками похожими на выпускниц сельского техникума, попавших под влияния гламурной революции. Зайцев тоже был пьян, у него в руках имелись два пакета набитые алкоголем и легкой закуской. Зайцев представил Михаила дамам, после чего решено было продолжить пьянку на кухне. От травки Власову хотелось общения. Чтобы общается с пьяными на равных, нужно было сравнять с ними уровень алкоголя в крови. Сделав это, Михаил вдруг обнаружил, что птушницы стали привлекать его как женщины, хотя на трезвую голову он бы с ними даже не заговорил. Он впечатлил девушек смешными случаями из врачебной практики. Особенно им понравилась история про то, как Власов лечил деда, которому жена засунула паяльник в анальное отверстие, когда тот спяну пытался её избить.

Они пили и курили, потом снова пили и курили. В какой-то момент одной из девушек, её вроде бы звали Вика, но Михаил не был в этом уверен до конца, стало плохо. Она пошла в туалет. Когда Вика вернулась она села к Власову на колени и поцеловала его. Власов почувствовал вкус водки и рвоты. От девушки пахло потом, мочой и дешевыми сигаретами. В порыве страсти они свалились на пол. С улыбкой Зайцев подкинул Власову пачку презервативов и ушел со второй девушкой в спальню. Раздевая девушку, Михаил заметил, что на её подмышках была приличная щетина. Власов надел презерватив на член и вошел в девушку. Вика явно уделяла своему гладко выбритому лобку больше внимание,

чем подмышкам. Михаил представлял себе, что на нем скачет не деревенская простушка Вика, а его прекрасный дикий ангел по имени Аня, поэтому половой акт продолжался от силы минут пять.

– Ты какой-то слишком быстрый. Я даже не успела войти во вкус, – сказала она.

Вдруг Вике снова похорошело, впопыхах одеваясь, она еле-еле добежала до туалета. Власов почувствовал, что распад алкоголя в организме вот-вот достигнет критической точки, за которой последует отключение всех систем. Кое-как, приведя себя в порядок, он лег на диван в ожидании провала. Вообще привычка отрубаться от алкоголя всегда бесила Михаила. Он сильно завидовал тем людям, которые под конец пьянки собирают весь недопитый алкоголь, потом садятся на кухне и продолжают пить, курить и жрать до утра.

Власов проснулся вечером в пустой квартире. Он сразу же ощутил симптомы похмелья, от которых избавился с помощью косячка. Постепенно картина бытия отражалась в голове Власова осознанием личной социальной драмы. Власов думал, что стремительное саморазрушение смогло бы принести ему хоть каплю наслаждения, но осознание себя в низинах социума несло Власову только горечь. Тут Михаил понял, что он ошибался по поводу направления своего бегства. Он бежал из одного быта к другому, но на самом деле ему нужно было бежать из низин российского социума. От ощущения беспомощности перед жизнью на Михаила нахлыну-

ла тоска, и он решил почитать Черновик, чтобы слегка отвлечься.

“..... в СССР был реализован грубый тоталитарный консерваторский строй. При таком строе государство узурпируется узкой группой лиц, управление государством осуществляется только мобилизационными методами. Для поддержания власти правящая элита использует методы террора и насилия. Население обрабатывается информационно.

*****

В особенности нужно обратить внимание на то, что свободная эффективная рыночная экономика является фактором демократизации. В государствах подобного типа рыночная экономика не развита или построена альтернативная рыночной модель экономики. Что по сути своей является серьёзным фактором внутренней деградации.

*****

Философия “человек для государства” характерная для имперского типа государственного устройства в долгосрочной перспективе ведёт к вырождению государства. Именно поэтому в современном мире империй не осталось. Они были трансформированы в некое подобие национальных государств.

*****

Следовательно, единственной эффективной философией государственного устройства является философия “государ-

ство для человека”, о ней мы расскажем вам в дальнейшем....”

Полистав тетрадку, Власов заметил, что Петров вносил в некоторые тезисы свои поправки и дополнения. Он прочитал одну из его записей.

“Во время перехода к режиму удержания накопленного капитала государство ужесточает свою власть для централизации ресурсов. Для того чтобы не допускать возмущения со стороны населения создается идеологическое прикрытие этого процесса. Для этого повсеместно возвращают бренд СССР. В информационном пространстве оживает образ сильного государства, а главное – сильного государя. Обеспечивается информационная накачка образа Сталина, Ивана Грозного, Петра. Так у населения постепенно создается позитивное восприятие возвращения сильной руки..... “

Михаил отложил тетрадку и пошел на балкон. По его телу прошла теплая расслабляющая волна. Перед Власовым открывалась панорама серых панельных домов, он видел, как компания алкоголиков отдыхала на детской площадке с применением музыки под гитару. Кое-где ходили непонятные угрюмые прохожие. Весь этот унылый пейзаж заставил его осознать, что через какое-то время он тоже будет вот так сидеть на лавке, жрать водку с алкашами и с некоторым сты-

дом обсуждать способы поддержания подорванной потенции. Осознание этого наполняло его мерзким ощущением тошнотворной тоски. Власов вспоминал своих приятелей, с которыми вместе рос, играл во дворе и учился в школе. Мало кто из них чего-то добился в жизни. Некоторые так же разочарованно доживали на работе свой срок подобно Власову, другие спились, одни скололись, кто-то погиб в Чечне, а кто-то просто прогиб. Михаил мог вспомнить только Леонида и Петрова, которые имели более-менее обеспеченную жизнь. Почему так произошло? Власов часто задавал себе этот вопрос. Он считал, что виной всему были катаклизмы, происходившие со страной, которые оставили свой отпечаток. Он выражался в уникальном пофигизме не только его, но и всего его поколения. А вот новое поколение было лишено этого чувства, и воспринималось Власовым как нечто жадное и озлобленное. Наверное, виновата во всём была капиталистическая мораль, которую Власов в своё время отверг. Что позволяло ему жить в особом пространстве приятных беззаботных иллюзий. Сейчас же он сильно жалел об этом.

– Я сделал неправильный выбор в жизни. Я должен был стремиться к такой простой вещи как деньги. В итоге я живу как крыса. Прав был Коля, – думал Власов.

Власов серьёзно озадачился этой проблемой. Сам он не мог выйти из социального дна, так как не отличался пробивными способностями, но вмешался случай. Под конец очередной пьянки, после того как Власов сблизился на кухон-

ном столе с непонятной ученицей парикмахерского колледжа, а потом отдыхал на балконе, Зайцев завёл с ним разговор.

– Слушай, – от него пахло табаком и перегаром. – А тебе никогда не хотелось узнать у меня, почему я веду такой дегенеративный образ жизни?

– Не особо, – Власов был безнадежно пьян. – Как будто бы я веду не дегенеративный.

Они рассмеялись.

– Помнишь, я тебе как-то рассказывал про свой первый раз? – спросил Власов.

– Это про тёлку с озера?

– Да. Я до сих пор думаю, о том, что это не Надя моя была там, а другая девушка. Просто вот когда я после ночи на озере Надю увидел, то сразу же поцеловал её и сказал, мол, что люблю её, а она так обрадовалась. И вела себя она не так как та Надя. Та была более спокойная какая-то. Она мне ещё сказала, что она рада тому, что я, наконец, отважился признаться ей в любви. Хотя мы уже с ней переспали. Вот что. И даже когда у нас, потом с Надей были отношения, то всё было не так как с той девушкой.

– А чё это ты об этом вспомнил?

– Да, неважно.

– Забей ты на эти подростковые фантазии. Хрень это всё. Вот что. Мне надоело жить под крылом отца и его дружка-нов. Я уже взрослый мальчик и хочу открыть свое дело, толь-

ко вот не хватает партнера, на которого можно было бы положиться. Ты никогда не думал заняться коммерцией? Всё равно в больницу возвращаться ты видимо не собираешься.

– Я мало что умею делать по жизни, да и чем заниматься будем?

– Платежными терминалами. Я такое за границей видел. Типа через специальную хреновину можно оплачивать счета всякие, на мобильник деньги класть. Крутая тема. Мы реально поднимемся на ней.

– В последнее время я понял, что человеческая жизнь преисполнена глубоким трагизмом. Все наши желания и мечты, все наши действия лишь приближают нас к личному апокалипсису. Мне уже на всё похер. Так что, почему бы и нет?

– Иногда крах это всего лишь начало нового пути, – чересчур серьёзно произнёс Леонид.

– Хорошо сказано. Только непонятно мне кем была она? Что это было за существо?

– Знаешь разок мы с отцом, дядей и его приятелем были на рыбалке. И когда все уже напились, то друг этот рассказал что был у него тоже подобный случай. Ну не подобный. Короче. Мужик этот по молодости ходил в турпоходы всякие. Сплавлялся по рекам. И пошел он с такими же экстрималами к каким-то пещерам. Ну и они по ходу там заночевали в лесу. Поставили палатки, развели костер, сели консервы есть, у одного там гитара была, водка. В итоге напились и стали

песни петь. А потом спать пошли по палаткам, а мужик этот решил заночевать под звездным небом. Вот. Просыпается он посреди ночи, видит у костра силуэт женский. Он сначала окликнул ей, а потом такой руку протягивает – а там ничего. Ничего. Потом эта штука выросла в размерах и стала валить палатки с деревьями. А мужик этот мордой в пол и орать начал. Дружки его бухие мало что понимали. А когда вкурили в чем дело, то сразу побежали врассыпную. Хорошо еще, что никто из них не пострадал.

– Вот тебе и перевал Дятлова.

– Угу. С другой стороны они могли просто нажраться и начать буянить. По пьяни не только такая хрень померещиться может.

Стахановцы

Вообще в нашей культуре нет практики постепенного движения к успеху. Успех может только внезапно свалиться на голову своему обладателю. Но Власов двигался к успеху постепенно. У Зайцева было достаточно денег, чтобы запустить своё дело, но ему действительно чисто психологически нужно было с кем-то кооперироваться. Сначала Зайцев обучал Власова азам и тот понемногу втянулся. Потом у них сформировалось разделение труда. Власов занимался теоретическими вопросами, а Зайцев брал на себя практику. Примечательно то, что довольно основательная часть стартового

капитала ушла на взятки. Доходило до того, что последний пожарный требовал свой откат. Власов удивлялся взяточному потенциалу советского человека. Он думал, что причиной страсти к мздоимству у русского народа является его историческое закрепощение, которое ещё больше усилилось в коммуналках и советских бараках. Примерно через два года бизнес стал приносить какую-то прибыль. Но появилась ещё одна проблема – крыша. Точнее её отсутствие. Эту проблему разрешил Зайцев, обнаружив крышу в приятеле и собутыльнике своего отца Иване Макарове, который занимал высокое положение в питерской иерархии чекистов. В будущем он стал для них даже неким деловым консультантом. А ещё через пару лет Власов обнаружил себя ужасно богатым, а Зайцев избавился от проблем с самооценкой.

К сожалению, таких людей в реальности новой России было очень мало. К тому же им по-настоящему повезло. Особенно Власову. Они сделали бизнес в сфере, которая была ещё малопонятной для загребущей руки государственного рейдерства. Вообще сам Власов никогда в жизни бы не подумал, что из него получится предприниматель. Он всегда считал, что если эта деятельность связана с риском и прибылью, то она требует колоссальных знаний и трудовых затрат. Власов испытал разрыв шаблона, когда понял, что работа врача была в десятки раз сложнее. При том, что денег получал он в десятки раз меньше. Тогда у Власова сложилось впечатление о том, что Россия была такой своеобразной “страной наобо-

рот”. Со временем Власов понял, что он подавлял в себе талант к извлечению прибыли в силу негативного восприятия коммерции советским обществом. И тем, что он был этим обществом долгое время прибит. Деньги вскружили голову Власову. Теперь он думал, что его жизнь стоит больше чем жизни окружающих его людей и иногда мог вести себя, как подобает недавно дорвавшемуся до денег бывшему советскому человеку. Иными словами как конченная мразь.

Довольно любопытный случай произошел с Власовым, когда Зайцев заготовил для него сюрприз, который по его словам удвоит их прибыль в будущем. Зайцев вёз Михаила куда-то загород на своём БМВ, что добавляло интриги. Власов был одет вызывающе богато. Зайцев же выглядел как опрятный гопник. Поездка заняла много времени. Сначала Зайцев ехал по городу. Приглядевшись к городской архитектуре, можно было распознать тайную суть той или иной эпохи в России. Так советские хрущевки своей дизайнерской бедностью, отражали духовную и материальную нищету Союза. Многоэтажки девяностых несли в себе непонятную большей части населения суть демократической России. Тут Зайцев проехал элитную новостройку. На фоне пейзажа стилистической разрухи элитное здание выделялось помпезностью и роскошью. Отчего у Михаила сложилось впечатление пира во время архитектурной чумы. Через какое-то время Зайцев выехал за черту города. Городские окраины провожали унылыми промышленными районами, где половина заводских

помещений сдавалась в аренду. Когда машина преодолела питерскую кольцевую автодорогу, городской пейзаж уступил дачам. Постепенно среди домов стали попадаться черные покинутые сооружения. И чем дальше они отдалялись от Питера, тем больше сгнивших домиков они проезжали. Когда начался лес, Власов впал в сонное состояние от вида мелькавших в окне деревьев.

– Всё, давай, приехали, – Зайцев легонько ткнул Власова в плечо. – Вставай, приехали!

– И куда это ты нас привёз? – спросил Власов.

– Вылезай. Нас уже ждут пацаны на производстве.

Выйдя из машины, Михаил обнаружил себя в реальности мрачного промышленного пригорода. Вокруг него серые панельные строения сочетались с ветхими домишками, а где-то вдалеке проглядывались те самые брошенные ссохшиеся дома. Возглавлял этот архитектурный ландшафт завод, построенный в стиле раннего застоя. В одном глянцево-журнале Власов прочитал, что такой стиль принято называть “постапокалиптический совок”. Серая унылая погода добавляла колорита этой картине.

– Вот она – рожа настоящей России, – подумал Власов.

– Пошли, хватит тарашиться, – сказал Зайцев.

У проходной Михаила встречала местная молодежь. Пацан в спортивном костюме и его приятель в потёртых джинсах и черной кожаной куртке распивали дешевое крепкое пиво. Какой-то бритый чувак слушал прошлогодний танце-

важный хит через громкие динамики мобильного телефона. Ребята отвлеклись на Михаила и одновременно посмотрели на него с лютой дичайшей классовой ненавистью голодного пролетариата.

– Как бы у них под рукой не оказалось булыжников, – думал Власов.

Через проходную их провёл средних лет мужчина. На нем были выдавшие виды коричневые штаны, вязаный свитер, на который был наброшен засаленный ватник. С виду он был похож на слесаря дядю Васю с глубоким стажем. Мужчина поздоровался с Зайцевым.

– Вот, Миша, знакомься. Это Павел Петрович, – сказал Зайцев.

– А это, стало быть, ваш партнёр, – Павел Петрович оглядел Власова взглядом, в котором была не ненависть, но презрение.

– Михаил Власов, – они пожали руки. В рукопожатии Павла Петровича чувствовалось армейское прошлое.

– Ну что, орлы, сейчас вам всё здесь показывать буду, – сказал Павел Петрович.

– Здесь мало того на что можно смотреть. Всё и так видно, – подумал Власов.

Павел Петрович начал свою экскурсию с осмотра производственных цехов и рассказа о трагической судьбе завода. Второй Бронетанковый Завод имени Петренко был построен в эпоху позднего Хрущёва. До развала Союза на нем изго-

товляли танки. Во времена ранней демократии завод приватизировала организованная группировка выходцев из Чечни и переоборудовала производство танков в производство презервативов для нужд дорогих россиян. К началу нулевых годов половина трудоспособного населения города уже успела иммигрировать в Петербург, а другая половина успела спиться или сколоться. Так что на заводе работало то, что осталось. В конце концов, местные власти решили развернуть на месте неконкурентоспособного производства рынок стройматериалов.

Цеха не произвели особого впечатления на Власова. Всё оборудование в лучшем случае начинало свою историю из позднего застоя. Цеха, где раньше делали презервативы, были вообще лишены оборудования, так как его давно продали. Власов с трудом верил, что в этих цехах когда-то изготавливали танки и даже презервативы. Только образы людей оставили след в сознании Михаила. Это были непонятные черные силуэты в ватниках, дешевых китайских куртках или в прокуренных кожаных куртках. В сознании Михаила сразу же возникли орки из фильма “Властелин Колец”. И он захотел вспомнить какой-то хороший экономический отрывок из Черновика.

“ .... Доминирование США на мировой арене, по сути, обеспечивается благодаря развитой рыночной немонополизированной экономике. Американцы возвращали своё экономическое благосостояние, создавая условия для его появ-

ления. Они создали устойчивую политическую систему с реальным разделением властей, судебную и правоохранительную систему. Но главным фактором удержания первенства американской экономики в новое время было создание “экономики инноваций”. Она зародилась в технопарках, где был впервые реализован основной принцип инновационной экономики – “идеи встречают бизнес”. По сути это были площадки, где предприниматель и ученый сливались в экономическом экстазе.....”

– Цеха мы переоборудуем. Ваших парней мы обучим за свой счет. В самом процессе нет ничего сложного. Чистый конвейер, – начал Зайцев.

– Финны накручивают за сборку, но это же не повод поручать её вот этому всему, – подумал Власов.

– Это плохая идея, Лёня. Не думаю, что на этом ожившем кошмаре Брежнева можно что-то производить. Да и эти люди совсем не вписались в рынок. Они не знают, как работать с нашим оборудованием и вообще всё украдут или поломают. Лёня, о чем ты вообще думал? – растерянно произнёс Власов.

– О стране. Если мы людям работу не дадим, они же подохнут. Да и Паша – бывший афганец, он бабки наши в обиду не даст, – сказал Зайцев.

– Понятно. Можно такой вопрос, а как у вас с кадрами обстоят дела? Вот на проходной я видел каких-то молодых парней. Судя по их внешнему виду, они остро нуждались в

работе. И вот в цехах у вас что-то совсем молодёжи нету. Что такое? Распугали всех низкой зарплатой? – с циничной ухмылкой произнёс Власов.

– Молодежи, – презрение во взгляде Павла Петровича сменилось ненавистью. – Нахрена мне твоя молодежь?! Они ничего делать не умеют и главное не хотят! У меня вон есть Сергей Палыч, он на этом заводе всю жизнь проработал, стахановец. Семьдесят два года мужику и он умудряется ещё учить восемь человек. Вот что значит советский человек! А ты падла, ты даже его мизинца не стоишь!

– На руке или на ноге? А тем ребятам, им по сколько лет? По шестьдесят? – съязвил Власов.

– Так, успокойтесь. Миша, ты патриот? – спросил Зайцев.

– Всё равно, Лёня, если ты даже и купишь долю в этом гадюшнике, это не изменит общую трагедию русской души, – сказал Михаил.

– Тогда, Паша, мы готовы приступить к юридическим формальностям, – сказал Зайцев.

Обретение национальной идеи.

В стельку пьяный Власов лежал на кровати в элитной четырехкомнатной квартире. Он недавно купил эту квартиру, как и Мерседес в недешевой комплектации. Власов думал, что теперь-то он точно счастлив, но пустота оставалась, а значит и алкоголизм. Он точно не знал, кто довез его домой

после обмывания сделки с заводом. Это мог быть его водитель, хотя это вполне могла быть секретарша.

Ему снился странный сон. Власов снова оказался в цехах Второго Бронетанкового Завода имени Петренко. Теперь тут была непривычная атмосфера кипучей работы. Рабочие собирали танки и бронемашины. Они были словно сошедшие с советских агитационных плакатов. Власов ушел вглубь цехов. Красивые и сильные рабочие в сверкающих касках строили челнок Буран. Повсюду висели яркие плакаты.

КОММУНИЗМ ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА И ЕГО ВОЗВОДИТЬ МОЛОДЫМ

– Сейчас на такое уже совсем никто не клюнет, – подумал Власов.

Работа бурлила, в трудовом порыве рабочие не обращали внимания на Власова. Они проходили сквозь него. И даже его костюм от Армани не привлекал их внимание. Для них Власов был словно бесплотный призрак капитализма. Михаил был заморожен тем, как рабочие устанавливают на Буран защитную обшивку. И вот челнок обрастал ей, словно чешуей, словно Буран готовился к какой-то большой битве. Власов гнал от себя мысли о том, что сейчас эту обшивку почти всю растащили на сувениры, а сам Буран гниет непонятно где. Вдруг Власов услышал женский плач. Он огляделся, рабочие упорно трудились над Бураном. Плач доносился

из соседнего цеха. Власов направился туда и не заметил, как изменилась обстановка.

Власов очутился в огромном ангаре с прогнившей крышей. Под его ногами был потрескавшийся асфальт, из которого пробивалась редкая трава. Вокруг Михаила в два ряда стояли танки. Т-64А, Т-72, Т-80 и вроде бы Т-90. Танки были в ужасно плохом состоянии. Ржавые, прогнившие, с оторванными башнями и с кривыми дулами. Они напоминали кладбище брошенной прожженной радиацией чернобыльской техники. Михаил услышал женский голос, похожий на громкий шёпот. Власов испугался, он побежал со всех ног. Ржавые танки мелькали вокруг него, он бежал всё быстрее и тут он опять услышал женский плач. От страха Михаил зажмурился, ему хотелось проснуться, но он не смог этого сделать.

Когда он нашел в себе силы открыть глаза, то очутился на болоте. Вокруг него были всё те же танки, только теперь они загнивали в трясинах. Он слышал, как женский голос напевал приставучую однотипную мелодию. Власов пытался проснуться сильным усилием воли, у него опять не получилось. Паника охватила его. Он бежал по болоту, пока не наткнулся на знакомый объект. Разбитый и ржавый с облупленной обшивкой Буран.

– Иди ... ко мне, – говорила девушка.

– Нет, пожалуйста, нет. Я не хочу. НЕЕЕТ! – Михаил был в панике.

Власов очутился в центральном спортивном комплексе города Припять. Постапокалиптический совок чувствовался в каждой клеточке этого места. Этот покинутый людьми спортивный комплекс был готическим памятником советской техносферы. Власов узнал это место.

– Так. Тут где-то должен быть тот самый бассейн с собаками, – думал он.

Власов больше не слышал девушку. Ему нужно было найти этот бассейн. Михаил никогда не видел настолько разнообразный сон. Наконец-то он попал в раздевалку, облицованную белым кафелем. Место напоминало Михаилу о фильме “Пила”. Власов почувствовал, как что-то укололо ему в голову, все стены вокруг него стали зарастать красными древесными корнями. Власов сначала принял их за окровавленную плоть. Михаила охватил ужас, но обстановка внезапно нормализовалась. Власов медленно подходил к бассейну. Он надеялся, что так сможет найти выход из сна.

– Иди, – тихо прошептала девушка.

Михаил не обращал внимания на голос. Чем ближе он подходил к бассейну, тем спокойнее ему становилось. Тут он увидел кое-что странное. Со дна бассейна возвышалась огромная статуя Иосифа Виссарионовича Сталина. Покуривая трубку в любимом белом кителе, Сталин смотрел куда-то в пол. В его взгляде чувствовалась глубокая ненависть и презрение.

– Помоги мне, пожалуйста, – Власов снова услышал де-

вушку.

От увиденного Власов впал в ступор. Возле статуи Сталина на четвереньках ползало существо женского пола. Её лицо закрывали длинные черные смоляные волосы. И из этих волос по всему бассейну растекалась черная жижа. На шею девушки красовался металлический ошейник с увесистой красной цепью. Цепь брала своё начало из пролетарских сапог Сталина. На секунду отвлёкшись от собственного страха, Михаил даже посочувствовал девушке. Это было не самой лучшей участью. Проводить всё свое время, ползая на четвереньках у ног Иосифа Сталина.

– Освободи меня, – прошептала девушка.

К удивлению для себя Михаил смог отбросить страх. Он воспринял слова девушки как собственную волю. Власов спустился в бассейн, его лакированные туфли утонули в жиже. Михаил тронул жижу пальцем, понюхал, а затем попробовал на вкус. Это, несомненно, была нефть марки Urals. То самое национальное достояние. Власов подошел к статуе Сталина, крепко обхватил руками цепь и дёрнул что есть сил. Цепь порвалась, а статуя шлепнулась в нефтяную жижу. Странные вещи начали происходить. Нефть стала разъедать статую словно кислота. При этом сам вождь изменялся. Его лицо стало более округлым, вообще это уже был не Сталин, а какой-то другой человек с лицом похожим на мордашку гепарда и залысинами. Китель вождя подвергся окислению так, что теперь напоминал костюм от Бриони. Власов узнал

этого человека. Статуя начала очень быстро растворяться в нефтяной жиже. За пару секунд от неё ничего не осталось.

– И это пройдёт, – тихо сказала девушка.

Девушка поднялась с колен, она была обнаженной и выпачканной в нефти. Власов никогда не видел настолько красивой девушки. Казалось, что всё в ней было ослепительно и идеально. Правда, её кожа была белой как молоко, а её глаза были абсолютно черными. Нефть сочилась из них словно слёзы дикой бесконечной тоски и скорби. Но Михаил всё равно ощущал в девушке безграничную прелесть. Он подошел к ней. Она прижалась к нему и обняла. Она была очень холодной, Власов понял, что девушка давно умерла. Но в её объятиях он чувствовал себя хорошо как никогда в жизни. Власов услышал телефонный звонок и проснулся.

– Так, всё. С этого дня надо бросать бухать вообще, – подумал он.

Михаил ответил на звонок. Заспанный голос секретарши объяснил Власову, что к ним в офис звонил Макаров и рекомендовал Михаилу сегодня явиться на какое-то собрание. Власов заволновался. К этому моменту Макаров уже успешно перебрался в мэрию, где продолжил вести дела на стыке городских властей, бизнеса и вездесущего чекистского крюка.

Михаил чувствовал во рту странный привкус. Ему нужно было привести себя в порядок. Видя своё отражение в зеркале в ванной, Михаил заметил на своих губах аномалию в

виде следа от помады.

– Надо точно завязывать с бухлом, – думал Власов.

Когда Михаил мылся в душе, в его поле зрения попал шрам на руке. Проблема была прямо перед глазами. Ему стало невыносимо тоскливо. Выйдя из душа, он первым делом налил себе немного водки.

– Ладно. С завтрашнего дня точно завяжу, – подумал он.

К этому моменту Власов уже понял, что сильно нуждался в женщине, которая бы смогла унять его душевные муки. Но ему была нужна не просто какая-то там Вика или Наташа, которую он мог купить дорогими подарками и всем прочим. Ему нужна была именно та девушка с лицом ангела из его аптечного прошлого. Аня. И он пытался найти именно её ну или найти похожую на неё. Только тщетно. Власов не смог обнаружить эту девушку ни на сайтах знакомств, ни в социальных сетях, ни среди проституток. К ним Власов частенько обращался за помощью в поисках ну и ещё за другими услугами.

Ближе к вечеру у дома Михаила остановился черный Мерседес. Власов вышел во двор в костюме от Дольче. Его целью было посещение элитного клуба “LUXURY ROSIA”, в котором будет проходить праздник по случаю обретения Россией национальной идеи. Само место располагалось за городом, подальше от глаз молчаливого русского большинства. Элитарный клуб поразил Власова своей помпезностью. Это была отреставрированная дворянская усадьба с фонтанами

и садиком. Вокруг всего этого Власов даже чувствовал себя как-то неловко.

Власов показал паспорт охране и прошел. Внутренний стиль был выполнен в традициях золотого века дворянства и не уступал в роскоши внешнему убранству. Перед входом в основной зал группа богато одетых людей проходила ещё один пост охраны. На это раз с металлоискателем. Михаил обратил внимание на надпись над входом. Надпись была выполнена позолоченными буквами в римском стиле.

ГЛАМУР ЭТО ТО ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ

Когда Михаил прошел через охрану он просто не поверил своим глазам. Ему казалось, что устроители всего этого ограбили Эрмитаж. Власов обратил внимание на людей, которые, как и он пришли, чтобы посмотреть на национальную идею. В первую очередь он видел откормленных разодетых бандитов, напоминавших горилл. Между ними то и дело проскальзывали шустрые спекулянты, имитируя экономические взаимодействия эпохи ранней демократии. Потом взгляд Власова привлекли изящные девушки, объединявшие в себе привлекательность моделей и распущенность проституток. Власов заметил новых людей на этом празднике жизни. Они отличались армейской выправкой, носили строгие костюмы, а их спутницами были располневшие простые русские женщины за сорок.

– Чтобы тут жить по-человечески нужно в себе этого человека убить, – думал Власов.

Власов заметил приближающегося к нему Зайцева. Михаилу было непривычно наблюдать на нем дорогой костюм вместо пацанского стиля.

– А мы с Ваней сидим и думаем, что это за мудака стоит и пялиться на всех? – от Зайцева просто разлило спиртом. – А это ты. Пошли, тебя там все уже ждут.

Помимо Макарова и Зайцева за столом из белого мрамора сидели ещё два человека. Леонид представил Власова обоим. Первого звали Алексей, это был высокий подтянутый молодой мужчина в очках. Одет он был в деловой костюм без грамма пафоса. Алексей был политологом. Новым явлением в российской реальности. Второго мужчину грузного и толстого похожего на свинью с бандитским оттенком звали Юрием. Его стиль в одежде напомнил Власову о фильме “Крестный отец”. Михаил удивился, когда узнал что Юрий генерал армии. Сам Макаров был одет в строгий костюм. Это был полноватый мужчина с аскетичным властным лицом. В нем сразу чувствовался выходец из госбезопасности. Под водку с частицами позолоты общение сразу заладилась. Михаил пересказал свою историю успеха, потом пошли разговоры о жизни и о футболе. В конце концов, все настолько опьянели, что стали говорить о политике.

– Я никогда не понимал, – начал Власов. – Зачем они вообще посадили Ходорковского?

– Не по понятиям поступил человек, – Зайцев уже совсем опьянел. – Че тут непонятного?

– Мочить надо было, – добавил грубый голос Юрия.

– Вот они не понимают, как это отразится на имидже страны? А какие сигналы власть подаёт предпринимателям? – продолжил Михаил.

– С одной стороны вы правы, Михаил, – начал Алексей. – Заключение Ходорковского под стражей сильно ударило по нашей инвестиционной привлекательности. Хотя с другой стороны, если учесть в какой яме мы оказались после развала Союза. Понимаете, эти люди по-другому не умеют. Сейчас нам в первую очередь нужно консолидировать наше общество во имя сохранения государства. А разбираться правильно или не правильно будем уже потом.

– А если потом будет поздно? Если пойдут метастазы? – спросил Михаил.

– Михаил, вы много не понимаете в силу своего возраста, – сказал Макаров. У него был мягкий и монотонный голос. – Мы все здесь советские люди. И только вы с Лёней как бы продукты перестроечного периода. Но в ментальном плане Лёня подобен нам. Я хочу вам напомнить. Народ и партия – едины. А те, кто выступают против воли партии, выступают против воли народа. А кто выступает против воли народа – является врагом народа.

– Ему ещё повезло, – пробурчал Юрий.

– Вы это смотрите, Власов, – продолжил Макаров. – Вам

нужно быть осторожным со своими взглядами на жизнь. Не все здесь в курсе, какой вы полезный человек.

– Кстати, – перебил Алексей. – Сейчас уже должно начаться.

Михаил осмотрелся. Его привлекло странное сооружение в середине зала, что-то вроде позолоченного фонтана. До этого момента возле него толпились люди, поэтому он заметил его только сейчас.

– Это большой золотой унитаз, – думал Власов.

– Там правда стоит золотой унитаз или какая-то другая скульптура? – спросил Михаил.

– Это вечеринка в стиле постмодерн, – оправдывался Алексей. – Берём пример с Москвы.

Погасили свет. Освещенным оставался только унитаз. Гости затихли в ожидании. В освещенном пространстве появился человек. Казалось, будто бы он возник из тьмы. Это был мужчина средних лет одетый в черный костюм и черную шелковую рубашку. Он носил дорогие черные очки и обладал внешностью бульдога, но оставлял приятное мистическое впечатление.

– Товарищи! Сегодня великий день для всех нас, – голос мужчины был грубоватым и усыпляющим. – Мы собрались здесь, чтобы поприветствовать рождение новой русской национальной идеи. Как вы думаете, – мужчина указал на унитаз. – Что это?

– Это сортир! – прокричал подвыпивший женский голос.

– Не-ет, – мужчина ехидно ухмыльнулся. – Это наша с вами национальная идея.

Раздался гул негодования, кое-где переходящий в матерщину.

– Тихо, товарищи, тихо. Сейчас я всё объясню. Это не простой золотой унитаз, – голос мужчины стал более монотонным. – Скажем так, когда коммунист смотрит в унитаз, он видит там статую Ленина, бюст Сталина и томик Маркса. Когда в унитаз смотрит либерал, он видит там демократию, разделение властей, права человека. А когда это дело проделывает русский националист, он видит там Россию с развевающимися светлыми волосами на фоне березок.

– Именно это и будет нашей национальной идеей, – продолжал мужчина. – Пустота, где каждый найдет для себя то, что он хочет увидеть. Но для нас с вами золотой унитаз останется золотым унитазом.

– Золотые слова, – подумал Власов.

Свет полностью погас. Когда освещение восстановили, мужчина пропал.

– Ушел в пустоту, – думал Власов

Вместо мужчины унитаз окружили люди в рабочей одежде с циркулярными пилами и сварочными аппаратами. Они разрезали золотой постамент на равные одинаковые кусочки. К рабочим подходили официантки модельных параметров с большими подносами. Мужчины клали золотые кусочки на поднос, а девушки разносила их гостям. Когда Михаил

получил свой кусочек, он уже был совсем пьяным.

– Настоящее золото, – Михаил повертел кусок в руке.

– Не просто какое-то там золото, – начал Макаров. – Это кусок России. Подтверждение дружбы России с тобой. Что лично для тебя вещь немаловажная. Как гласит старая истина: друзьям – всё.

– А врагам – закон, – пробурчал Юрий.

Королева хрущевки.

Тем временем официантки наполняли столы различными дорогими яствами. Место попиленного унитаза заняла группа хорошо сложенных миловидных девушек в пышных платьях в стиле раннего барокко. На головах у них красовались накрахмаленные парики. Девушки танцевали медленный и грациозный танец, который напомнил Михаилу о выступлении российской сборной по синхронному плаванию. Звучала приятная классическая музыка. Михаил ел стейк из говядины, макая его в соус и запивая красным вином. Девушки завершили свой танец и отправились развлекать гостей. Алексей выбрал себе рыбное меню. Происходящее особо не интересовало его, иногда он осматривался и делал какие-то пометки в блокноте. Юрий активно общался с двумя девушками, шутил и предлагал показать им свои боевые награды. Зайцев довольно двусмысленно приглашал одну барышню оценить задние сиденья его авто. Макаров же медленно же-

вал блин с непонятной начинкой и смотрел на Власова сверлящим взглядом гэбиста.

– Что-то вы не сильно любите веселиться, – начал Макаров.

– Меня всё устраивает, а что? – спросил Михаил.

– В первый раз вижу такое пассивное отношение к хорошим девушкам. У них идеальные параметры, вы заметили? Так хорошо подобрать реквизит мог только человек из органов.

– В своей жизни я разочаровывался во многих вещах. Любовь это единственное пространство, где мои идеалы не подверглись разрушению, – задумчиво произнёс Власов.

– Помню, как развалились мои идеалы, – голос Макарова стал монотонным и четким. – В девяносто первом году. Вот как вы думаете, почему развалился СССР?

– Ущербная экономика, гнилая политическая система, заговор саудовских шейхов? – ответил Власов.

– Когда Юрий Андропов пришел к власти, – начал Макаров. – В надгосударственном комитете по контролю над соблюдением договоров СНВ, куда входили офицеры спецслужб СССР и США, назревал план перестройки. Там простой советский офицер и патриот понял, что за всё его героическое самурайское служение он получал потребительскую корзину американского негра, – Макаров цинично улыбнулся.

Власов обратил внимание на Алексея. Он разговаривал

о происходящем с кем-то по мобильному телефону. После чего ему позвонила жена, перед которой он долго извинялся за то, что в очередной раз задерживается.

– Мы были поставлены перед выбором, – продолжил Макаров. – Либо сохранить империю, либо получить потребительскую корзину. Мы выбрали корзину. Мы выбрали потребление. Дух перестройки зародился гораздо раньше, чем Горбачев с Яковлевым её оформили. Я не злюсь на них как многие мои товарищи по службе. Если бы на месте Горбачева был Романов, Гришин или ещё кто-то, то он бы всё равно вынужден был начать перестройку.

– Да. Не ожидал я такого услышать от гэбухи, – удивлённо думал Власов.

– Теперь мы оправились от эйфории легких денег. Руководство поняло, что помимо потребления нам нужно думать ещё и о государственном строительстве. Даже если государство придется строить на болоте, – закончил Макаров.

– Если бы Андропов не скопытился так рано, – бурчал Юрий. – Сейчас бы в другой стране жили. Не было этого демократического бардака. Порядок был бы.

– В общем, это всё очень интересно. Что-то мне захотелось хлебнуть чего-нибудь более демократичного, чем водка, – сказал Власов.

Разговоры об СССР напомнили Власову, о его кошмарном сне. Нужно было снять нарастающую волну липкого страха. Михаил заказал себе в баре Белый Русский. Власов

обдумывал сказанное Макаровым, попивая коктейль.

– Может быть, это даже и хорошо, что власть теперь опирается на чекистов? Всё равно кроме них никто не сможет удержать государство.... Хотя, что я несу? За этим ведомством тянется кровавый шлейф из трупов. Так что ждать чего-то хорошего от них глупо, – думал Власов.

По жизни Власов относился скептически ко всяким таким вещам вроде судьбы, астрологии и космической предопределённости. Хотя каждый из нас, наверное, сталкивался с подобным. Внимание Михаила привлекла девушка. Она показала ему знакомой. Да, блин. Да. Это же была она. Аня. Она стояла у стены и ковырялась вилкой в накрахмаленном парике. Власов не мог поверить своим глазам. Тут Власов осознал, что испытывает к ней противоречивые чувства.

– Сейчас она у меня своё получит, – думал Власов.

Ему казалось, что заметив него, она быстро скроется, но Аня приветливо помахала ему вилкой и, не дожидаясь реакции Власова, направилась к нему. За время их размолвки Аня сильно похорошела. Михаил рассматривал изгибы её тела и её прекрасное личико.

– Подросла, – думал Власов.

– Мне кажется, – она хитренько прищурилась. – Я вас где-то уже видела.

Власов напустил на себя серьезный вид.

– Ты спёрла мою месячную зарплату вместе с ноутбуком, когда жила в моей квартире.

– Блин, Миша Власов, – её лицо стало жалобно-печальным. – Как же глупо получилось! Смотрю, думаю лицо знакомое, а это вы.

– Ты лучше скажи, как сорок штук будешь отдавать?

Как только Аня услышала эту фразу она вошла в привычный образ бандитки.

– Что?! Сорок. Там же двадцать с чем-то было.

– Помнит, сволочь, сколько там было, – думал Власов.

– За ноутбук ещё.

– Вот как мы поступим, Миша, – она злобно ткнула вилкой Власова. – Сейчас я позову пацанов из охраны, а потом мы тебя гниду аптечную так отмудохаем, что забудешь ты про свои сраные копейки и про дерьмовый ноутбук.

– Почти без матерщины. Это прогресс, – думал Власов.

– Да? Я вообще-то в аптеке больше не работаю и в гостях тут. Давай я лучше своих чекистов наберу, ты это им повтори вместе с пацанами, а потом мы их постреляем, а тебя ... ну ты понимаешь, что мы с тобой сделаем. Потом, правда, всё равно шлёпнем.

Михаил осознавал, что скорее это он был их, а не они его, но понты брали своё. И угроза подействовала. Бандитский образ Ани рассыпался, обнажив истинный. Её лицо снова стало грустным и виноватым, в её теле появилась затравленность и неуверенность.

– Ладно, – она делала все, чтобы сдержать страх, но всё равно нервничала и чуть тряслась. – У меня есть с собой

шесть тысяч. И мобильный могу дать. Вместе с ним будет где-то пятнадцать. Остальное отдам ... надо домой заехать просто.

– Забей. Можешь не отдавать. Для меня это слишком мелкая сумма.

– Правда?! – удивилась Аня.

– Правда.

– Прости меня, – вдруг вырвалось из неё. – Я конченный человек. У меня была плохая жизнь. И вообще я та ещё тварь.

– Да ниче.

– Может, выпьем? – лицо Ани приобрело сияющий вид. – Поболтаем.

– Страх творит чудеса с нашим человеком, – думал Власов.

– А ты же не пьёшь. У тебя мама алкоголичка, – Власов сознательно пытался её унижить.

И ему это удалось. Аня скрючилась и поникала.

– Можно я тогда ... пойду. Работать надо.

– Нет, – оборвал её Власов. – Давай выпьем. Раз уж предложила.

Постепенно Власов раскрепощался от алкоголя, а вся его серьезность уступала желанию познакомиться с Аней поближе. Но алкоголь действовал на Аню сильнее. Она вела себя даже слишком открыто, теряя колкость, наглость и контроль над собой. Власов понял, почему она на самом деле избега-

ет выпивки. Со временем Власов даже забыл, что перед ним была воровка и маргиналка, а не просто красивая девушка в чудесном платье и накрахмаленном парике. В конце концов, ему стало очень приятно, оттого что Аня отвечала взаимностью на его горячность.

В принципе, что ей ещё оставалась делать? Анне повезло родиться на редкость красивой девушкой, но её судьба была вполне обычной. Она родилась в семье учительницы и офицера. Когда распался Союз, её отца уволили из армии, после чего он переквалифицировался в бандита. И в один прекрасный момент его посадили за убийство. На почве одиночества мать Ани стала алкоголичкой. Во всех своих бедах она, конечно, винила дочь. Так что Аню пришлось воспитывать бабушке. В школе Аня училась плохо. Она ненавидела учителей, потому что её мать была учителем. Её больше заботили отношения между людьми, чувства, эмоции. Но больше всего в жизни Аня ненавидела свою комнату в хрущевке с ковром на стене. Она ненавидела этот ковер, который постоянно напоминал ей, что она всю жизнь будет никем. А ей так хотелось всё-таки кем-то стать. Тогда Аня смогла превратить свои недостатки в достоинства, усвоив для себя основную мысль “Бесприданницы”. Продаваться нужно было как можно дороже, чтобы выбраться из комнаты с ковром. Ковер давил на неё, заставлял совершать бесчисленное количество чувственных, этических и телесных манипуляций. И Аня делала всё, чтобы избавиться от этой тирании.

Разумеется, она не стала рассказывать об этом Михаилу. Когда Власов совсем сильно напился, то в его голове осталась только одна мысль. Это было острое желание ни за что не отпускать Аню. Ему казалось, что она тоже не желает отпускать его. Она намекала ему, что ей придется добираться от метро домой к подруге при неработающих трамваях. Тогда Михаил в вежливой манере предложил ей переночевать у него. Аня охотно согласилась. Её лицо просто светилось от счастья.

В пьяном головокружении Власов под ручку с Аней вернулся к столу. Леонида, Юрия по близости не было, Макаров тоже куда-то пропал. Только Алексей сидел, ел лобстера и шутил, общаясь по телефону с женой.

– Куда это все подевались? – спросил Власов.

– Ваня пожелал тебе удачи и ушел по работе. Юра и Лёня передавали тебе привет, потом пошли развлекаться с ..., – Алексей отвлёкся от еды и заметил Анну. – Они все нас покинули.

– Звучит как-то мрачновато, – Власов был настолько пьян, что ему было трудно выговаривать слова. – Ну, мы тогда тоже пойдем.

Пока они ехали в машине, Аня не отпускала руку Михаила. Власов плохо представлял, что происходило вокруг него. Когда они пришли к нему в квартиру, Михаил на автомате пошел мыть руки. Потом Власов планировал лечь спать. Но этого ему сделать не удалось. В спальне его ждала Анна. Она

сидела на его не убранной постели. Её белоснежное с вкраплением золотого платье слегка помялось, а её сверкающие радостью светло-карие глаза зачаровывали Власова.

– Если хочешь лечь здесь, я лягу на диване, – Власов старался говорить четко.

– Сегодня у меня был такой волшебный вечер, – Аня встала с постели, подошла к Михаилу. Он только и мог, что смотреть на её ангельское личико. – Я лягу только вместе с тобой.

Анна поцеловала Михаила в губы. Боясь потерять её, Михаил крепко прижал Аню к себе. Аня вцепилась в него ногами. Они настолько увлеклись собой, что повалились на постель. Власов запустил руку в её парик, Аня целовала его в шею. Она взяла накрахмаленную руку Михаила и стала медленно облизывать его пальцы. Пожар в сердце Михаила разгорался со страшной силой. Аня расстёгивала его рубашку, пока Власов пытался расшнуровать корсет на платье. Михаил был слишком пьян, он плохо управлял своими пальцами, в конце концов, он запустил руки под Анино платье, прикоснулся к её горячим худым ногам и стянул с её трусики. Аня захихикала и эротично улыбнулась. Михаил вошел в неё. Их глаза снова встретились. Аня смотрела на него своим жалобным и виноватым взглядом, который так нравился Власову. Михаил поцеловал её. Под действием алкоголя Власов мог довольно долго удерживать себя в её теле. Когда всё закончилось, они лежали в обнимку. Власов смотрел в её глаза и гладил её каштановые волосы, которые вывалились из пари-

ка в процессе.

– Знаешь, у меня никогда не было такой девушки. Я походу люблю тебя, – проямлив это, Власов провалился в мягкий сон.

Аня ничего не ответила. Она отключилась на пару минут раньше Власова.

Власов проснулся от ужасной головной боли. Ани рядом не оказалось. Всё происходящее вчера казалось ему диким сладким сном, он даже загрустил от этой мысли. Власов потянулся к тумбочке, на которой лежал Черновик. Он увидел валявшийся на полу белый накрахмаленный парик, его сердце сразу наполнилось счастьем. Михаила глубоко озаботил тайный смысл культурного послания золотого унитаза. Дабы отвлечься от головной боли он решил поискать что-то про национальную идею.

Первая попавшая ему на глаза выдержка была написана ровным красным шрифтом.

“..... уже сейчас перед нами стоит необходимость создания такой концепции русской национальной идеи, которая бы несла в себе идеологию русского чуда, русской победы. Соединяя в себе культурные коды русской цивилизации, такая идея объединит в себе исторические смыслы романовской белой империи и советской красной империи. При этом мы должны понимать, что советский период это не отдельный ошибочный период, который нужно вычеркнуть из истории России, а целостный период развития русского мира

как отдельной цивилизации. И такая концепция уже существует. Она была разработана русским философом и активным деятелем интернета Сергеем Юрьевичем Соколовым и изложена в виде новой идеологии русского православного национально-коммунистического самодержавия....”

Власов переключился на другой отрывок.

“... мы вынуждены жить в реалиях звериного воровского российского капитализма. Братки выстроили свое капиталистическое государство строго по чертежам советской антикапиталистической пропаганды. Национальная идея этого государства определяется понятием “Экономика РОЗ”. В свою очередь аббревиатура РОЗ означает три простых слова, описывающие основные движущие силы постсоветской экономики: распил, откат, занос....”

Власова вдруг осенило. Он всё понял. Понял что такое унитаза и зачем он нужен.

– Российское общество разобщено и для объединительной идеи нам не нужна никакая идея. Тогда каждый будет думать, что его идея и есть объединяющая идея. Тем самым исчезнут все распри и противоречия. И это действительно очень умно, – думал он.

– Чё читаешь? – спросила Аня.

Она только что вышла из душа, её волосы были ещё мокрыми. На ней было только полотенце.

– Ничего интересного, – ответил Михаил.

– Честно говоря, я не помню, как оказалась здесь, – она на-

хально ухмыльнулась. – Так мы с тобой всё-таки трахались?

Моментально она убила всю романтику во Власове.

– Да, – сухо подтвердил Власов.

– Посмотрим, какой ты на трезвую голову, – игриво сказала Аня.

Она сбросила с себя полотенце. У неё было точеное атлетическое тело, словно созданное для подиума или шеста. Власов мигом забыл о золотом унитазе и национальной идеи.

– Из обычной воровки она превратилась в дорогую блядь. Вот и думай что из этого хуже, – подумал Власов.

– Теперь я достаточно выросла? – она поцеловала его в губы и повалила на кровать.

События прошлой ночи повторились снова.

Их отношения развивались удивительно чудесно. Они прекрасно дополняли друг друга, хотя были совершенно разными людьми по характеру и интересам. Даже знакомство с Аниным прошлым не смогло пошатнуть симпатию Михаила к ней. Это был их совместный с Анной визит в засранную квартирку её матери. Мать Анны звали Георгина. Она была сутулой и тощей, у неё было вытянутое морщинистое лицо с блестящими блёклыми глазами. Одета она была бедно. Квартира была обставлена в стиле алкогольного минимализма. Из интерьера Власов мог отметить стены с отстающими обоями, через которые проглядывались страницы газеты “Наша Советская Родина”. На одной из них Власов наблюдал коллективное фото членов ГКЧП на фоне российского

имперского флага и заголовков статьи: “Декабристы нашего времени”. Не пропитые шкафы со старыми книгами – напоминание о профессии преподавателя. Ну и, естественно, телевизор был в сносном состоянии. В спальне был иконостас, а из-под кровати торчало плохо убранное красное знамя.

Георгина накрывала на стол. Из еды была только вареная картошка с луком, селедка, вареные сардельки и бутылка водки с двумя гранеными стаканами. Для Ани Георгина заготовила полбутылки “Буратино” и стеклянный стаканчик. Власов думал, что лимонадом Георгина иногда запивала водку, чтобы почувствовать ностальгию от вкуса утраченного советского детства. Георгина налила себе и Власову водки, а Ани достался стакан желтого лимонада. Власов особо не хотел ничего этого кушать и тем более пить, но всё же из приличия скушал немного селёдки. Аня же ни к чему не притронулась вообще. Георгина со спокойным видом наложила себе картошки с луком и ещё сардельку и принялась уплетать. После рассказа Власова о себе и рассказа о том, как он встретил Аню, разговор перешел к главной теме.

– Ты нормальный мужик, – Георгина скушала кусок картошки. – Сразу тебе хочу сказать, что кроме денег этой кошке драной от тебя ничего не надо.

Аня попыталась вспылить, но Оксана одёрнула её.

– Молчи, когда старшие разговаривают!

– Ну не знаю, – Власов хотел перевести разговор в шутку.

– Она клофелинщица! Обворует тебя и всё. Тебе нужно

немедленно бросать эту подзаборную. Я тебе говорю! Хорошему мужчине нужно девушку приличную иметь.

– Какая же ты тварь! – на глаза Анны наворачивались слёзы. – Почему ты не даешь мне жить, а? Что я тебе сделала такого?

– Ты даже школу ещё не окончила. Так что молчи лучше. И вообще тебе нужно иметь мужчину из своей среды. Вот грузчик твой был тебе идеальной парой, – вопрос Анны так и остался без ответа.

Почувяв скандал Власов, решил сменить тему.

– Ну, это я буду решать бросать мне Аню или нет, – говорил Власов. – Знаете, у вас тут обои отклеились в гостиной, а под ними я узрел номер газеты “Наша Советская Родина” там что-то про ГКЧП. Так вот. Представьте себе, что мой папа это её основатель и главный редактор Павел Кошевой. В миру Пётр Власов.

Она налила себе стакан водки и залпом выпила, после чего пронзительно взглянула на Власова.

– Не верю!

После подробного рассказа Власова об отце и демонстрации им фотографии с ним в мобильном телефоне, блеклые глаза Георгины загорелись огнём революционной борьбы.

– И как же ты с таким папой посмел пойти в коммерсанты?! Когда всеми силами необходимо продолжать борьбу с капиталистическим режимом, обокравшим народ и подло растоптавшим идеи великого октября!

– Ну, пиздец, – подумал Власов.

– Кушать хочется, – честно признался Власов.

Постепенно разговор ушел совсем в другое русло.

– Я всем своим профессорам говорила ещё во время референдума того. За сохранение СССР.

Георгина заела картошечку сарделькой и запила водкой. Власов со стеснением медленно кушал селёдку. Аня молча сидела и иногда злобно поглядывала на Власова.

– Что там было написано в бюллетене этом? – продолжала Георгина. – Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности. И весь народ наш проголосовал: “Да!”. И вот что это?!

– Да какая разница что? К тому времени от СССР остались одни пустые полки, – сказал Власов.

– Это был намеренный саботаж! – резко вскрикнула Георгина. – Еду специально изымали из магазинов и складировали её потом, чтобы вызвать у последнего гнойного пропитого жителя совка отвращение к социализму пустыми полками этими, очередями и сухим законом.

– Советский человек неистребим, – думал Власов.

– Так вот, – продолжила Георгина. – Для начала нужно было бы дать определения того что такое Советский Союз. Это обновлённая федерация равноправных суверенных рес-

публик, в которой в полной мере гарантируются права и свободы человека любой национальности? Нет. Советский союз это коммунистическая партия. Это плановая экономика. Это единый бюджет. Это справедливое равенство народа. Это не права и свободы человека любой национальности. Национальность это вообще вредное слово. Это единая общность советский народ. Вот что такое СССР!

Она налила себе и быстро осушила стакан. Видя весь пыл и накал старой большевички Георгины, Власов тоже налил себе чуть-чуть и выпил не закусывая.

– Бедная Аня. Как она вообще смогла выжить в таких условия? – подумал Власов.

– Сама вот эта фраза это вообще триумф сиономасонской мысли. Если Советский Союз это как бы условное “А”, то обновлённая федерация равноправных суверенных республик, в которой в полной мере гарантируются права и свободы человека любой национальности это не “А”, это “Б”. Бэ, нахуй! По сути, тогда нам и предложили сохранить СССР как нынешнюю гнилую, олигархическую, проклятую эту Росфедерацию. А весь наш тупой и пропитой народ согласился с этим. Вот в чем петрушка то. У тебя у самого разве нет желания хотя бы отомстить этим мерзким олигархам за то, что они отняли у народа? Мы же, в конце концов, сдохнем, если не вернемся к социализму!

– Знаете, – Власов изо всех сил пытался удержаться от издёвок. – Я думаю, что чтобы заниматься глобальными де-

лами построения социализма, нужно сначала разобраться с простыми человеческими делами. Устроиться в жизни или хотя бы обои себе в квартире поклеить.

– Всё с тобой понятно. Сам хочешь выбиться в олигархи. Ну ладно, – Георгина налила себе и выпила. – Аня моя всё равно у тебя все деньги отберёт. Ха-ха-ха!

Анна наклонилась к уху Власова.

– Заканчивай. Всё. Хватит. Давай уже свалим от этой ебанутой. Мне надоело позориться, – прошептала она.

Власов сжалился над Анной и вскоре свёл их с Георгиной разговор к прощанию.

– Ну чё, Миша Власов, бросишь меня? – тихо спросила Аня когда они вернулись в квартиру.

Он не бросил её. Власов видел, как Аня цепляется за него. Ему хотелось думать, что она его любит. Анна всё больше посвящала его в своё прошлое, которое было весьма противоречивым. С одной стороны Аня вела крайне антисоциальный образ жизни, но с другой стороны она не ныряла с головой в разврат, а была в этом плане весьма избирательной. Власов думал, что виной этому был юношеский максимализм. В конце концов, каждая девочка ждёт своего принца.

– Так, а почему ты не закончила девятый класс, когда отучилась восемь? Так бы тебе аттестат дали хотя бы.

– Понимаешь, вот косишь ты, а потом это уже как снежный ком накатывается, и не можешь остановиться. Я как представляла презрительные хари колхозных училок, то сра-

жу же желание пропадало идти в школу. У нас там мало кто рожей вышел, и от этого они меня вдвойне ненавидели и завидовали.

– Веская причина, – с иронией думал Власов.

– Я как школу бросила, ходила танцевать по всяким злым местам. Это у меня было вместо старшей школы и вуза. Помимо этого всяких лохов ещё грабила.

– Значит, клуб был не один, и лох был не один, – подумал Власов.

– В том числе и меня?

– Ой, Миша, поначалу у меня тебя рука не поднималась обчищать, но после того как ты мне тот вопрос задал про Славу, я разозлилась. Я бы ещё телек твой упёрла, но паршиво себя чувствовала. Так что радуйся.

– Я месяц целый впроголодь жил. Макаронами питался и консервами дешевыми.

Аня расхохоталась.

– Жопа не слиплась? Лохов выявлять я научилась как раз в клубах этих. Ко мне богатое чмо клеилась постоянно. Я же никогда не опускалась до отношений с подобными чуханами и сначала просто динамила их по максимуму. Разводила на свидания и подарки. Подарки потом продавала. Деньги были нужны. Если меня совсем бесил какой-то задрот, то я напрашивалась к нему в гости, спаивала, а потом грабила.

– Послушай, откуда у тебя такое презрительное отношение к богатым и интеллигентным мужчинам? Классовая

ненависть?

– Пошел ты, – она рассмеялась. – Нет. Дело не в этом. Мужчина должен быть мужчиной, а значит быть мужиком, а не конченым. Человеческая цивилизация движется к вырожждению.

После этих слов смеялся уже Власов.

– Мудак, весь этот прогресс идёт вразрез с биологией. Выживает не самый сильный и привлекательный самец, а самый умный и умеющий подстраиваться под рамки общества. А самый умный приспособленец это не всегда красивый и сильный индивид, обладающий полезными качествами для выживания вида.

– Получается, в твоём мире ты бы не находилась в социальном дерьме, а твой Славик был жив здоров. Вы бы жили в просторной пещере со всевозможными шкурами редких животных. Ты бы носила шкуру тигра или льва на тебе бы красовалось ожерелье из клыков редких животных. Вы бы занимали лидирующее место в прайде. Прогресса бы не было. Вы бы отбирали еду и ценные вещи у слабых и конченных чмошников вроде меня. Хорошая была бы жизнь, да?

Она ничего не ответила.

– Ты вот лучшее бы попросила у мамы своей Маркса почитать. Там это всё описано. Как разрушить злой капиталистический мирок. Я в свое время с отцом Ленина читал и Маркса. В перестройку ещё. Хорошее было время.

Власов прощал ей всё. Он верил в то, что она может из-

мениться к лучшему. К тому же ему было бесконечно жаль это ангелоподобное существо, да и он никогда в жизни не встречал девушку, которая могла любить с такой фантазией. А вот влюбиться в неё для него было рискованной вещью.

– А вот ты любишь меня, Миша? – как-то спросила она после ночи близости.

– Да.

И он рискнул.

– Почему? Я же дворняга.

– Быть вместе с красивой девушкой это как прикоснуться к Богу.

Аня обняла его и заплакала. Больше она никогда не подкалывала Власова.

Со временем Аня смогла залечить в себе комплекс неполноценности связанный с её происхождением, отчего их отношения вышли на новый уровень, а Власов думал, что впервые за долгие годы он обрел настоящее счастье. Но самым главным для Михаила было ещё и то, что ощущение пустоты больше не посещало его. Это означало, что алкоголизм тоже перестал беспокоить его. Ну как перестал? Перешел в приемлемые формы. С Аней Власов ощущал полноту жизни.

Именно в это радостное время Власов познакомил её теперь уже со своими родителями. Недавно он купил им квартиру вместо старой двушки в панельном доме, в которой он вырос. Власов боялся, что родители восприняют Аню в штыки. До этого Власов не распространялся особо о ней. Он

лишь сказал им, что она танцовщица. Перед тем как присоединиться к посиделкам за столом в гостиной Власов осматривал новую квартиру, вспоминая своё детство. Тогда в той квартире с дефицитной мебелью из ГДР, со шкафами забитыми книгами и толстыми журналами, со старым девятиканальным телевизором, столом, большим радиоприемником похожим на тумбочку и холодильником Зил со сломанной ручкой, конечно, не было красоты современного евроремонта и дорогой отделки. Но было какое-то ощущение тишины и уютной полноты быта. И вот он сел за стол. По началу разговора не получалось. Мать Власова Оксана пухлая с выразительными чертами лица и крашеными волосами беседовала с Аней. Его отец высокий и тощий мужчина в очках чем-то напоминающий Чехова сидел молча. Власов тоже молчал. В уме он сочинял, как будет врать родителям. Власов думал, что если они узнают правду о его отношениях с Аней, то сочтут его жалким ничтожеством, которого окрутила какая-то там воровка и наркоманка.

– Расскажи-ка, как вы с ней познакомились? – вдруг спросил Пётр.

Непонятно почему Власов решил сказать правду об их знакомстве. История заинтересовала Оксану, а вот Петр смотрел на Власова не с осуждением, а с даже какой-то жалостью.

– Бедная девочка, – говорил Пётр, – И какие у вас планы на жизнь? Чем вы планируете заниматься?

– Зарабатывать деньги, пока Аня там пляшет, – сказал Власов.

Аня пнула Михаила ногой.

– Никогда не думала, что Миша сможет сойтись с такой замечательной красоткой. Честно говоря, я считала, что он всегда будет один-одинёшенек. Такой у него характер. А детей то будете заводить и свадьба? – спросила Оксана.

– Опять начинается, – думал Власов.

– Нет, – быстро ответила Аня.

– Почему нет? С детьми так весело, – недоговорил Пётр.

– А вы представляете, во что превратиться моё тело после рождения этого ребёнка? На мне же живого места не останется! И кому я буду такая нужна? – Аня начинала закипать. – Кому это надо в наше время? Для нормальной женщины вообще внешний вид это, блин, визитная карточка!

– У нас просто отношения без свадеб с детьми, – оборвал её Власов.

– Ещё детей не хватало на мою голову, – думал Власов.

– Понятно. Всё понятно, – с печалью говорил Пётр. – Новые поколения, новые ценности.

Дальше Аня поведала родителям Власова о своём прошлом.

– Ты, Аня, молодец, – сказала Оксана. – Не каждая бы смогла вылезти из такого. Тебе главное не опускаться больше. Подниматься нужно. Ну, Миша наш тебя подымет. Надеюсь.

– Какая мерзость. Какая мерзость, – говорил Пётр. – С одной стороны мне вас по-человечески жаль, но с другой стороны. Вы же сами понимаете, что не подходите Мише. Он образованный человек. Врач. Сейчас вот правда коммерцией этой гадкой занимается.

Аня злилась. Власов понял это.

– Не волнуйся так, – Михаил перебил Петра. – Когда Аня стиснула мою зарплату, мне она тоже не понравилась. А потом приелась, – Михаил обнял Аню.

– Миша так-то уже взрослый мальчик и сам вправе выбирать, с кем ему гулять, – съехидничала Аня.

После посиделок, пока Аня трепалась с Оксаной, Пётр подловил Власова.

– Послушай меня, Миша, не совершай моих ошибок. Не совершай, – говорил он.

– Не парься так. И это никакой не фрейдизм. Хоть по ней не видно, но Аня совсем другой человек. Она хорошая. Правда, хорошая.

Дома с ним заговорила Аня.

– Нормально всё было. Я вообще-то готовилась скандалить. Мама у тебя ничего такая тётка. А вот бате твоему я не врезала только из уважения к тебе. Какой-то он у тебя уёбский препод. Ещё бы, бля, начал меня спрашивать о том, какие я книжки читаю или там о всякой хуе задротской. О незавершенности Хрущевым политика двадцатого съезда КПСС. Он же у тебя из этих? – она не дала Власову отве-

тить, – Прости меня, Миша. Что-то я завелась. Если честно, то это первый раз, когда я знакомлюсь с родителями своего мужчины.

– На ошибках учатся.

– Прав твой папа в чём-то ... прав, – тихо сказала она.

– Не заморачивайся с этим, – он обнял её и поцеловал. –

Всё будет нормально.

В будущем Аня начала так иногда созваниваться с Оксаной. Власов думал, что это было следствием уже её детской травмы.

Как-то Власову снова приснилось странное сновидение. Сначала это был обычный сон. Мелькали какие-то силуэты, разноцветные картинки, зарисовки из врачебного прошлого. Потом сон прояснился. Это опять была Припять. Власов узнал это место с первого взгляда. Михаил не ощущал своего тела, он был бесплодным, но мог видеть всё вокруг как бы со стороны. Поначалу Припять казалась пустой. И эта пустота необычайно завораживала. В ней была сосредоточена непонятная разрушительная красота. Власов наблюдал покинутые здания и оставленную ржавую технику. Кое-где даже сохранились лозунги.

МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЮ

– Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. И нам это благополучно удалось, – думал Власов.

Власов решил подняться ввысь, чтобы осмотреть весь город. Постепенно Припять выстраивалась перед ним в полную картину. Тут Власов понял, что всё это могло быть своеобразным памятником советского эксперимента. Припять была оставлена на Земле как предупреждение будущим поколением людей о том, куда могут завести безумные идеологические манипуляции с большим количеством населения. Власову стало грустно и печально, он обратил свой взор на Рыжий Лес и полетел туда.

Рыжий Лес был следствием отравления деревьев радиоактивной пылью, отчего они приобрели светлый оттенок. Сосновый лес был прожжен радиацией и частично уничтожен ликвидаторами, но за два десятка лет смог почти восстановиться. Лес оставлял в сознании Власова ощущение тёплой тоски. Власову показалось, что он увидел непонятный силуэт, прогуливающийся по лесному пространству. Власов спустился ниже. Да. Это была Россия.

Россия медленно прогуливалась. Иногда она оглядывалась по сторонам. Она как бы хотела уловить грусть и пустоту. Её бледное тело было испачкано нефтью. Её грудь скрывали необычайно длинные черные волосы. Россия подошла к трухлявой сосне. Она обняла ее, словно пытаясь оживить. Безуспешно.

Власов решил понаблюдать за Россией. Россия телепортировалась в город, она гуляла по улочкам Припяти, осматривая покинутые панельные дома. На некоторых балконах ве-

село сгнившее бельё. Власов даже заметил балкон, где сушилась вобла. Михаил подлетел поближе к России, она немного сутулилась. Она остановилась, осмотрелась, потом продолжила свой путь.

Россию привлекла библиотека. Войдя внутрь, она попала в уже надоевшее пространство постапокалиптического совка. Всё вокруг неё было пыльным, сломанным, сгнившим и опустошенным. Она искала хранилище книг. Стеллажи с книгами были в очень плохом состоянии. Некоторые из них были повалены, другие просто сгнили от времени. Россия осторожно пробиралась. Она старалась не наступить на разбросанные по полу пыльные книги. Она остановилась у накренившегося стеллажа. Россия подняла с пола две книги, потрянула их и пошла к выходу.

Россия села на бордюр и взглянула на небо. Солнце было затянуто серыми тучами, но дождя не было. Россия открыла первую книгу. Это была тургеневская “Ася”. Россия быстро прочитала её, грустно вздохнула и принялась за другую книгу – “Дворянское гнездо”. Когда она прочитала и эту книгу, поток непонятной тяжелой тоски отразился на лице России. Она аккуратно положила книги на бордюр и продолжила свою прогулку.

Россия шла по пустой дороге вдоль улицы. Иногда ей попадались брошенные машины. Из частых трещин в асфальте прорастала трава. Россия заметила стадо оленей, она телепортировалась к ним. Олени замерли. Россия хотела по-

гладить маленького оленёнка, она вытянула свою изящную бледную руку, но олененок убежал от страха вместе с остальным стадом. Россия смотрела, как олени удалялись от неё в непонятную даль. Шел морозящий дождь.

– В реальности всё окружающее нас является просто концепцией, – Власов услышал мужской голос. – Планета Земля, страна Россия, город Москва – являются лишь субъективными мысленными концепциями отдельного индивида.

– Кто это говорит? – удивлялся Власов.

– Подобно другим идеологемам вроде социализма, демократии и коммунизма, – продолжил голос. – Эти концепции являются постоянно изменяющимися в своей сути. Возьмем для примера концепцию русского коммунизма в 1917 году и сравним её с этой же концепцией в году 1970 или позже – в 1986 году. Чувствуете? Следовательно, они не имеют под собой четкой реальности.

– Ну да. Перестройка это вам не ленинский призыв, – подумал Власов.

– Пойдем дальше. Концепции воспринимаются по-разному каждым отдельным человеком, который по своей сути является закрытой системой. Так что одному отдельному человеку никогда не понять другого, потому что оба представляют собой черные ящики. Как и концепции, люди не представляют собой что-то неизменное и тоже постоянно меняются, а значит, являются нереальным. Итак. У нас есть россыпь нереальных концепций, которые воспринимают нереальные

люди. Пойдем ещё дальше. Сам человек является концепцией. Но что в таком случае существует в действительности?

– Что за херь? – думал Власов.

России неподвижно смотрела в сторону леса. Дождь усиливался.

Власов проснулся от гудения фена.

Телевизор был включен. Очередной старичок читал лекцию. Аня впопыхах одевалась. Она с таким энтузиазмом пыталась втиснуться в свои джинсы, что Власов тут же забыл про свой сон и только и делал, что смотрел на то, как она это делает.

– Уже проснулся? Ну, ты и соня. Я тут тебе твоих любимых стариков включила, – Аня мило улыбнулась.

– Да я вижу. Послушай, тебе когда-нибудь снилось что-то совсем странное? – вдруг спросил Власов.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне уже два раза снится Россия, – растеряно произнес Власов.

Михаил пересказал Анне свои сны.

– Ты там, что решил пойти по моим стопам и втайне от меня сознание расширяешь? – пошутила Аня.

– Не. Помню, как разок укололся морфином с приятелем. Нам знакомый анестезиолог подогнал за пару бутылок водки. Времена тогда суровые были. Но я вот не понимаю, почему Россия обитает в Припяти? На территории независимой Украины.

– Может быть это Советская Россия?

– Интересно, – Власов задумался. – Не. Это наша Россия.

Она же вся в нефти бегают.

– Забей. Не думай об этом. Лучше в окошко посмотри.

Вечером Власов решил отвлечься какой-нибудь интеллектуальной передачей, чтобы не думать о своих странных сновидениях.

“.....проблемы, которые нахлынули на Россию после развала СССР, никуда не делись. Это был всё тот же Союз только с примесями звериного капитализма и полным моральным вырождением. Как только не пытались демократы девяностых заполнить пустоту, которую раньше занимала советская идеология в жизни советского человека. Доходило даже до идей возвращения монархии. Почему-то эту пустоту в будущем стали называть утратой национальной идеи. После перехода власти к чекистам в стране была выработана идея “вставания с колен”. Она родилась как общее смешение реваншистских настроений и тоски по утраченной империи. На самом же деле под пафосные речи о вставании с колен шел очередной передел собственности. Но мало кто особо об этом задумывался, потому что высокие цены на нефть оправдывали всё происходящее в стране.”

Вдруг облик России из его снов обрел смысл. В уме Власов представлял себе картину, где чекисты настойчиво пытались влить нефть в вены обескровленной после двух мировых войн, красного террора и развала Союза России. От

этого дела девушка с русой косой и фигурой березки постепенно превращалась в нечто иное. Её загорелая в чистом поле кожа бледнела, светлые, словно первые лучи солнца в морозное утро волосы становились чёрными как смола, а голубые как чистая родниковая вода глаза наливались чёрным нефтяным блеском так, что из абсолютно черных глаз сочились нефтяные слёзы.

– Чё опять старпёров своих смотришь? – спросила Аня.

– Ага.

– А устрой ка меня к себе в фирму.

– Надоело быть на подстановке? – спросил Власов.

– Надоело.

Власов устроил её в отдел работы с клиентами, где она быстро освоилась. К удивлению для себя Власов смог стать так называемым “патриотическим предпринимателем”. Это означало, что он не вмешивался в политику и должен был давать деньги на “патриотические” и “социальные” нужды. Взамен Власов получал дивиденды в виде пропуска в реальность гламурной России. И его жизни могли позавидовать даже русские дворяне. Никогда ещё в российской истории “элита” не жила так издевательски расточительно как во времена высоких цен на нефть.

Власову нравился такой образ жизни. Но в какой-то момент в его сознании возникла мысль о вопиющем неравенстве между его кастой и простым российским большинством. Эта мысль постепенно отравила всю радость от насла-

ждения плодами гламурной революции. Всякий раз, когда он где-нибудь дорого зависал, в какой-то момент в его сознании возникали образы жрущих гречку с тушенкой полунищих пенсионерок или ещё что-то в этом духе. Да-да. Такое тоже бывает. Михаил думал, что в этом была виновата его не до конца вытравленная капитализмом интеллигентность.

Анна не была человеком высоких материй и испытывала глубокое наслаждение от роскоши. Это было пространство её сбывшейся мечты, где не было никаких ковров. Она всё никак не могла насытиться этой жизнью и таскала Власова по всевозможным мероприятиям, вечеринкам, презентациям. С помощью Аниной коммуникабельности Власов обрел полезными связями в обществе. И хотя Анне иногда надоедало нытье и отсутствие энтузиазма у Михаила, она могла заставить его пойти с ней куда угодно с помощью своего особого дара убеждения. К тому же такая жизнь давала ей ощущение, что она чего-то стоит, а значит свободу от её комплекса неполноценности.

Как-то Анна вытащила Власова в одно место, привлекавшее её необычным дизайном и мягким сине-фиолетовым освещением. Михаилу же просто нравилось смотреть на Анну. Ему нравилось то, как она сияла от ощущения причастности к роскоши.

Они сидели за столиком в випзоне. На Михаиле была шелковая рубашка с золотыми запонками, пояс с платиновой пряжкой, черные брюки и лакированные туфли. На Анне бы-

ло короткое черное обтягивающие платье, чулки и туфли на каблуках. Она ела стейк из говядины и запивала его красным вином. Власов довольствовался рыбным меню в виде стейка из семги с обжаренными тигровыми креветками и лимонным соком.

– Блин, я никак не могу понять, – начала Анна. – Почему здесь всё так дорого. Вроде бы та же отбивная, но, блин, я за один поход сюда проедала бы свою месячную зарплату на танцульках.

– Дело в том, – Власов приобрел умный вид. – Что вместе с отбивной ты потребляешь и наценку за неё. Частицы денег от переплаты за товар усваиваются в твоём организме и дают тебе небывалый прилив чувства собственного величия.

Анна рассмеялась.

– Я бы никогда не додумалась до такого, – с улыбкой ответила Анна.

– Знаешь, мне всё больше кажется, что эта наша новая богатая жизнь какая-то ненастоящая. Всё как в пластине.

– А когда она была настоящей?

– Мой отец как-то сказал, что единственным реальным моментов в его жизни были три дня в августе девяносто первого года. ГКЧП. Дни крушения СССР. А для меня? Наверное, детство и часть юности. Чем дальше я живу, тем всё становится каким-то не таким. Неживым. Сейчас я дошел до чего-то статичного и монотонного. Одинаковые события на работе потом эти псевдосветские глянцевые вечера. Я не

чувствую жизни. Она вся осталась в прошлом.

– Да? Ты просто от жира бесишься и ноешь как баба. Эх, Миша, ты же говна толком не видел. Помнишь, мы пару недель назад были на даче у эфэсбэшника того?

– Ну и что?

– Когда ты вел бессмысленные разговоры о Чавесе, создании антидолларовой коалиции и введению энергорубля с теми унылыми очкариками, я кушала шашлыки с нормальными мужиками из ФСБ. Оказывается, у всех нас было нищее детство и полунищая юность. Я со своей двушкой и матерью с её реввоенсоветом можно сказать даже была мидлклассом. А им вот приходилось жить в по-настоящему дичайших условиях. Коммуналки какие-то с быдлом, алкашами и родителями дегенератами. Вот что, Миша. Гламур это не просто барский разгул на фоне высоких цен на нефть. Российский гламур – долгожданная награда за семьдесят лет нищего античеловеческого совкового существования.

– Награда для зажавшейся верхушки.

– Верхушки? Награда для лучших людей страны. Для тех, кто ещё не слился совсем.

– Не слился? – Власов улыбнулся. – Наш народ в массе своей достоин большего, чем прозябать на фоне коррупционного пира.

– Народ? Ты вообще представляешь, что такое этот наш народ? Миша, ты родился в обеспеченной семье главврача и редактора журнала и по вшивому интеллигентскому суще-

ствованию с такими же людьми не можешь знать народ. А я знаю народ этот! – Аня злилась. – Знаю! Я была частью народа, пока не встретила тебя, Миша. И народ этот настолько находится даже не в социальном дерьме, а в духовном говне. Душа сгнила у народа твоего! И не сейчас сгнила, а давно ещё даже до советской власти! А если бы этой нефти с газом не было, если бы не было коррупции, то уже бы давно кончилась Россия. Все кто находится в этом большом распиле – последние живые люди в России. Последние кто как-то пытается вертеться. Кто не опустил руки от реальности нашей и не скурвился.

– Не ожидал я от неё такой полёт мысли, – думал Власов.

– Не знал что ты такая.

– Какая?

– Что тебе пора вступить в партию “Единая Россия”.

Она рассмеялась, а Власов почувствовал вибрирование мобильного телефона в кармане, он ответил на звонок. Это был Зайцев.

– Миша, звонил Вершинин, он требует в два раза больше, – сказал необычайно воодушевленный голос Зайцева.

– Пусть этот гэбист, – Власов разозлился.– Идёт на хуй! Это наши деньги. Мы дали им ровно столько сколько надо. На его распилы я тратиться не собираюсь. Пусть ищет себе других лохов.

– Миша, надо дать, – голос Зайцева приобрел просительный тон.

– Лёня, ты понимаешь, что если мы дадим им больше чем надо, они будут думать, что мы задроченные уёбища, а значит нас можно ебать когда угодно.

– Не усложняй... – не успел договорить Зайцев.

– Из нас двоих только я жил в нищете! И я не собираюсь туда возвращаться, Лёня. Делай, как я сказал! Если что, то скидывай всю ответственность на меня, – закончил Власов.

– Ладно, счастливо, – Зайцев бросил трубку.

– Как раз в тему звонок. Мне надоела эта опричнина! Я не могу уже. Извини за всё это, – произнес Власов.

– Ты такой мужественный, когда сердисься, – глаза Анны горели.

– Я просто не понимаю! Я специально нанял людей со стороны, чтобы вычислить стоимость этих сраных работ. Они рассчитали цену, а эти твари просят ровно в два раза больше. Понимаешь!? Они знали цену и взяли в два раза больше! Откат сто процентов! – Власов был просто неуправляем.

– Нда, вот тебе и коррупция, – Аня встала со стула, села Михаилу на колени и поцеловала его в шею. – Я хочу тебя прямо здесь.

– Я думаю, что окружающие нас не правильно поймут, – голос Михаила снова стал мягким.

– Переживут, – Аня поцеловала Михаила в губы, он почувствовал вкус вина.

– Я возьму нам ещё выпить. Что-то у меня нет подходящего настроения.

Власов был жутко зол. Он не пошел к бару, а направился в туалет. Зашел в кабинку, достал из кармана пакетик с тем, что называли кокаин. Власов пробовал кокаин, но делал это не, потому что ему этого хотелось, а потому что это было модно в тусовке. Он аккуратно соорудил дорожку с помощью кредитки и был уже готов занюхнуться, но тут в его кабинку кто-то ворвался, и большая сильная рука резкими движениями стряхнула наркотик в воду.

– Тебе это не надо, парень, – сказал человек.

Власов оглянулся. Сзади стоял крепкий мужчина за тридцать, черноволосый, коренастый с острыми чертами лица, кривым заостренным носом, карими глазами, легкими усами и бородкой. Он носил круглые чёрные очки. Взгляд Власова сразу привлекла его футболка, на которой было написано “THE END IS NEAR”.

– Забей парень, давай лучше выпьем, – сказал он.

Михаил был настолько взволнован резким появлением этого человека, что не мог ничего ему возразить. Пришлось согласиться с его предложением. Они проследовали к бару, Власов заказал себе пива, мужчина пил виски.

– Ты уж извини, я просто пару месяцев назад этой дряни нюхнул, мне там парни сказали, что надо как нюхнул ещё по нёбу провести, чтобы правильно было. Я провел, и мне так челюсть разъело, что проебал пятьдесят косарей на дантиста. Меня Влад зовут.

– Михаил.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Владислав.

– Бизнесмен, – ответил Власов.

– Наверное, хорошие бабки зашибаешь?

– Местами.

– Я вот специалист широкого профиля. Рисую, строчу и пою всякие песни. А вообще я – художник, – с некой гордостью сказал Владислав.

– И про что картины рисуешь?

– Про Россию.

– Что-то в стиле Василия Шувалькова и Васи Ложкина?

– Не. Я черпаю вдохновение из некрореализма и атмосферы конца восьмидесятых.

– Мне вот пару раз снилась Россия. Она выглядела, словно в труп нашей голубоглазой блондинки с длинной светлой косой влили нефть. У неё черные волосы и бледная кожа. Самое страшное в ней это её залитые чернотой глаза, из которых периодически сочится нефть, – дрожащим голосом произнес Михаил.

Владислав не смог сдержать смех, он поперхнулся виски, напиток полился у него из носа, Власов похлопал его по спине. Владислав не переставал смеяться.

– Какой сильный образ. Никогда не думал, что услышу подобное от бизнесмена, – Владислав с трудом пытался выговаривать слова через смех.

Михаил заметил, что за его столик подсел крепкий высокий мужчина. Он говорил о чем-то с Аней. Она смеялась и

была настолько увлечена беседой, что Михаилу было не до смеха.

– Было приятно пообщаться, мне пора. Может быть, ещё увидимся, – сказал он.

Нервной походкой Михаил шел к столику. Он был зол, и каково было его удивление, когда он узнал в этом высоком крепком мужчине Николая Петрова.

– О! Миша, я смотрю, ты перестал ползать и пресмыкаться, – сказал Петров.

Николай изменился за время их последней встречи. Он похудел, подкачался и отрастил волосы. А вот одет он был как всегда богато. Его решительный взгляд бульдозера смотрел прямо в глаза Власову.

– Я безумно рад тебя видеть, Коля. Может быть, ты сообразишь встать с моего места за столиком на двоих, – с некой остротой сказал Михаил.

– Да? Очень плохо оставлять такую девушку одну, – Петров медленно встал. – Я не мог устоять, Миша. Не достоин ты такой девушки. Не дорос ещё.

Николай произнес эти слова с долей шутливой иронии, но Власову казалось, что он говорит это всерьез. Аня смотрела на Николая с кокетливой улыбкой. Михаила это взбесило.

– У меня всё выросло, но если у тебя какие-то комплексы думаю, у тебя хватит денег на увеличительные дела. Я понимаю, что тебе трудно с твоей проблемой. Если природа что-то не увеличила, это жутко бесит, – голос Власова приобрел

холодность и монотонность.

– Как же ты прав. Просто даже не представляешь насколько, – закончил Петров и быстро удалился.

– Не хватало ещё и этого гада, – подумал Власов.

– Миша, а ты никогда не рассказывал мне, что у тебя есть друзья в администрации президента, – сказала Анна.

– Куда дорвалась эта скотина! Видимо там наверху совсем всё прогнило, – подумал Власов.

– Этот человек самый омерзительный ублюдок, которого я встречал в своей жизни. Наверное, Коля пытался очернить меня в твоих глазах, чтобы возвысить свое сверхчеловеческое я? – спросил Михаил.

– Нет, – Анна улыбнулась. – Но он удивился, а потом даже расхохотался, когда узнал тебя в моём описании Михаила Власова.

– Ага, – с недовольством произнес Михаил.

– Миша, а ты взял нам выпить или совсем заболтался с тем мужиком? – спросила Аня.

Конец гламура.

Власов готовился к самому важному, по его мнению, моменту в жизни. Михаил выбирал кольцо, которое он хотел преподнести Анне. Он надеялся, что она выйдет за него замуж. Власов планировал сыграть свадьбу где-нибудь на берегу океана или в английском замке. А медовый месяц про-

вести в тихом месте подалее от людских глаз.

И вот после замечательного вечера в шикарном ресторане, когда Власов и Анна вернулись домой, Михаил встал на одно колено, достал из кармана брюк маленькую черную коробочку. В ней было изящное платиновое кольцо с большим бриллиантом. Аня расплакалась, не дождавшись каких-либо слов Михаила.

– Ань, выходи за меня, – тихо сказал Власов.

Анна опустилась на колени, обняла Михаила и поцеловала в шею. Власов чувствовал, как горячие поцелуи смешиваются с холодными слезами. Прелюдия постепенно переросла в полноценную любовную сцену. Вскоре они лежали на полу, прямо на своей разбросанной одежде. Аня нежно обнимала Михаила и шептала ему на ухо разные красивые слова.

– Извини меня, – вдруг с хрипотой промолвила она. – Я не могу.

Власов почувствовал, как кинжал ударил его прямо в сердце.

– П-почему? У нас же всё было так хорошо. Аня, я думал..., – Власов был глубоко растерян.

Аня разрыдалась, она всё крепче прижималась к Михаилу, её истерика продолжалась пару минут. Власов молча лежал, ощущая глубокую эмоциональную боль.

– Извини, извини, извини... Я не могу сделать это, – Анна еле смогла унять слёзы. – Я просто ещё молода и хочу насладиться свободой. Я ещё не готова пойти на этот шаг. Но я

люблю тебя, Миша. И я приму твое кольцо с мыслью о том, чтобы через пару лет стать твоей женой!

Михаила вроде успокоили эти слова, но весь остаток дня он провёл в тяжёлых раздумьях. Ему всегда казалось, что в их отношениях он делал всё правильно и к тому же фактически спас Анну от нищенского существования с матерью. Её отказ был глубоко непонятен ему. Он всё думал, что всё-таки делал что-то неправильно и хотел понять что именно. Когда эти мысли достигли пика, Михаил выпил пару стаканов виски и захотел отвлечься. Почитать Черновик.

“..... С наступлением двадцать первого века русская пассионарность окончательно выдохлась. Западный объективизм полностью растоптал русский пассионаризм. Советский, российский человек фактически оказался выброшенным из объективной реальности. Его безумные идеи о переустройстве мира вдруг стали не нужны даже ему самому, ведь даже мысль о жизни в объективной реальности потребления была гораздо приятней чем самый высокий социальный статус в реальности какой-либо русской пассионарной идеи, будь то СССР или Евразийский Союз.....”

Власов чувствовал опустошение, он захотел забыться очередной интеллектуальной передачей.

“.....в конечном итоге звериный капитализм девяностых под действием нефтяного дождя и суверенной демократии мутировал в непонятный мрачный способ государственного устройства. В мире ещё не было прецедентов диктатуры ка-

сты спецслужб и можно смело утверждать, что российский человек попал в пространство мягкого тоталитаризма. Методы борьбы с такого рода тоталитаризмом человечеству ещё известны не были....”

– Почему всё должно быть таким плохим? Что я сделал не так? Я же делал всё правильно? Почему она отказала мне? Тут есть два варианта. Либо у неё есть любовник, либо она действительно просто боится серьезных отношений, – думал Михаил.

Несмотря на то, что Анна бесчисленное количество раз пыталась скрасить существование Власова любовными играми, в голове Власова засели сомнения, а в его сердце поселилась тоска. К тому же “опричники” разозлились и взяли с предприятия Михаила больше. Бизнес хирел. Власов был вынужден проводить больше времени в офисе, часто ему приходилось работать до глубокой ночи. Всё равно ему иногда не хотелось приходить домой. Его выходные были окрашены частыми попойками с Зайцевым, а вот так называемых “светских мероприятий” с Анной было всё меньше.

Одним субботним вечером Власов с Леонидом сидели в пивной, пили и разговаривали о всяких особенностях российского капитализма.

– Почему Макаров не впрягся за нас перед Вершининым? – спросил Власов.

– Вершинин выше Макарова в вертикали. Он вообще московский и у них там в девяностых был с Макаровым кон-

фликт какой-то.

– Что за конфликт?

– Точно не знаю, но был слух о том, что Макаров спалил Вершинина, когда тот продавал чеченцам оружие за деньги, полученные от фальшивых авизо. Потом Ваню нашего понизили и отправили в Питер, а Вершинин влился к Коржакову с Барсуковым в их ФАПСишно-ФСОшную структуру.

– Серьёзный это человек, – Власов хлебнул пива и заел сухарями. – Зря я тогда вспылел.

– Да не волнуйся, – Леонид макнул сухарь в соус и съел его. – Если бы ты не настоял они бы нас постепенно рейда-нули.

– Знаешь, с того момента как я стал этим заниматься жизнь стала быстрой и незапоминающийся.

– Ты это смотри, – Леонид хлебнул пива, – Так мозг работает человеческий. Это ещё Эйнштейн заметил. В приятные минуты жизнь пролетает быстро, а в минуты отчаянья она длится необычайно драматически выразительно.

– Да уж, – Власов допил своё пиво.

– В последнее время я вспоминаю конец восьмидесятых и наш кооператив по продаже компьютерной техники. Какое же говно мы тогда впаривали! Но желающих было хоть отбавляй. Очереди были. Мы тогда были уверены, что это всё не навсегда. Что КГБ в своё время прикроет наши лавочки и как-то присвоит нами наработанное в пользу государственной машины.

– Да. Зажрался я от жизни этой. Я – жалкий человек, Лёня. Если бы не ты, то гнил бы я дальше по больницам и аптекам.

– Что-то ты совсем скис. Не мучайся так. Всё равно кроме тебя у меня достойных людей в друзьях не было.

– Достойный человек. Это просто смешно, – думал Власов.

– По-твоему можно было кооперироваться с Юркой, который героином торговал или с Вовчиком?

– А что, кстати, с Вовкой стало?

– Он как вернулся из Чечни пошел в бандиты. Тачки угонял. Сейчас вроде бы сидит или уже ушел в мир иной. Обидно мне за наше поколение.

– Лучше подумай, какие у нас будут дети? Если вообще будут.

– Вот этого не надо, – Лёня допил пиво. – Всё будет, когда время придет.

– Я понял, – вдруг сказал Власов. – Мы же все прибитые. Властью прибитые. Царями и генсеками. Целые поколения униженных и оскорблённых. Вот где корень гламура и всего прочего распала. Всеу виной наша униженная и озлобленная душа. Аня права. Это болезнь духа. Мы же все думаем, что лучше других. А на самом деле нет. Это говорит в нас наш недуг. И я такой же. Я тоже болен.

– Что-то тебя занесло совсем. Я вот тоже нашел себе женщину и у нас с ней всё серьезно. Так что не только у тебя

одного есть отношения.

– Поздравляю.

Дальше разговор потерял смысловую ценность и скатился в обсуждение быта.

В один из дней упадничества Михаил захватил Черновик, чтобы скрасить своё ночное бдение. Он сидел в кабинете и уже заканчивал бутылку коньяка. В кабинет вошел Зайцев.

– Уже бухой? – растерянно спросил Зайцев.

– Отстань! – Власов с трудом мог что-либо выговаривать.

Зайцев вышел из кабинета с презрительным выражением лица, Власов налил себе очередной стакан и залез в Черновик. Он удивился. Ему попала запись сделанная Петровым.

“..... У общества отбивается желание участвовать в политической жизни и занимать какую-либо гражданскую позицию. Постепенно политическая дискуссия уходит из телевизионного пространства, но если такая дискуссия и появляется, то используются только максимально отфильтрованные программы. Так нужный общественный фон будет сохраняться. В телевизионном контенте должны превалировать развлекательные передачи, реалити-шоу. Интеллектуальный дискурс необходимо задвинуть куда подальше. В результате такого воздействия формируется специфическая информационная среда. Особое внимание я хочу уделить культуре. В ней должны блокироваться любые “идеологически неправильные” мнения. В первую очередь это касается всего, что

относится к сфере нашей истории . . . . .”

В конце концов, это всё же случилось и произошло издевательски шаблонно и предсказуемо, отчего ещё омерзительней, чем могло бы произойти. Внезапно Михаил услышал, как выбили дверь, затем раздался пронзительный женский крик. Были слышны странные возгласы: “На пол!”, “Лежать!”, “ Лежать, сука!” и другие интересные лозунги. Дверь в его кабинет резко открыли ударом ноги, в помещение ворвались вооруженные омоновцы. Правда, Михаил был уже настолько пьян, что вообще не понимал происходящего. Омоновцы казались ему расплывчатыми черными тенями, тыкающими в него игрушечными автоматами.

– ЛЕЖАТЬ, СУКА! НА ПОЛ! – проорал крепкий омоновец в маске.

– Чё? – Власов попытался встать со стула, но сразу получил резкий удар прикладом по лицу.

Боль от удара растворялась на уровне затылка, так и не наполнив его тело мучительным ощущением. Михаил свалился на пол, от резкого падения он почувствовал себя ужасно. Весь выпитый им алкоголь попросился наружу. Чтобы не валяться лицом в рвоте, Власов решил встать, но когда он попытался сделать это, тут же получил удар ногой по печени, после чего был резкий удар прикладом по голове, от которого Михаил потерял сознание.

Михаил очнулся в автозаке, затем было сизо, где Власова оформили по всем правилам. Михаил не понимал, за что

его взяли. Он попытался спросить у милиционеров в курсе ли они, но рядовые полицейские только разводили руками. На третий день пребывания в изоляторе один подвыпивший лейтенант с внешностью простого деревенского парня объяснил ему, что сидит он за воровство в особо крупных размерах. На следующий день ситуация вроде бы прояснилась. Власову разрешили позвонить Зайцеву, он рассказал ему, что ФСБ совместно с отделом МВД по борьбе с экономическими преступлениями проверяло их предприятие и выявило страшное уклонение от налогов. Власов конечно не поверил в это, потому что вёл дела по закону. Даже в условиях российского правового нигилизма.

Дело против Власова продвигалось вяло. Суд постоянно переносил слушанья. Только Черновик, который Власов смог спрятать от милиции, как-то скрашивал обильное свободное время. Михаил провел много времени, размышляя о жизни.

– Так заканчивается российский гламур. И пусть они там ещё пляшут. В конце концов, все на нарах будут сидеть. Прав Лёня. Они всё нами наработанное постепенно присвоят в пользу переродившейся из ЦК КПСС и КГБ вертикали власти, – думал Власов.

Иногда в его голове появлялся страх от мысли о возможной встрече с реальными пацанами, которые в силу классовых различий указали бы Власову его место у параша в грубой форме с применением тяжких телесных повреждений.

Хотя, в основном, контингент изолятора составляли алкоголики, бомжи и мелкие хулиганы. Через полгода Михаил вышел из тюрьмы. Дело против него развалилось, не успев дойти до суда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Из Петербурга в Москву.

Как стало потом известно, Власова раскулачили по проверенной схеме. Каким-то образом удалось подделать документы об уплате налогов, проверка выявила страшные нарушения, далее было задержание одного из учредителей предприятия. Власова как бы взяли в заложники. И за то время пока он пребывал в заточении, Зайцеву поступали многочисленные предложения продать бизнес. Постепенно они перерастали в откровенные угрозы. Зайцев уступил бизнес за четверть от реальной цены непонятым людям из некой организации под названием “ОАО БАЙКАЛПРАШЕН-СЕЛИНГГРУП”. В конце концов, Михаил получил от этой сделки деньги и был оставлен с носом, но его фактически выбросили из реальности гламурной России.

Когда Власов, наконец, вернулся к себе домой, там его уже всю ждала Анна. Она особо не любила заниматься бытом, хотя всегда соблюдала чистоту. Поэтому Власов удивился ужасному бардаку в квартире. Михаил думал, что к

нему приходили с обыском, но Аня сказала, что это она так нервничала и не могла найти какую-то свою одежду. У неё был неряшливый вид, из одежды на ней была только старая футболка Власова и трусики. Она уже успела расплакаться и бросится в объятия Михаила. За время своего пребывания в тюрьме обида от отказа Анны выйти за него замуж постепенно перестала существовать, а его прежнее чувство к ней вспыхнуло с новой силой. Так что приветствие постепенно переросло в акт любви. И вот они уже счастливо лежали в объятиях друг друга, Власов гладил длинные каштановые волосы Анны и смотрел в её сверкающие жизнелюбием глаза. Михаил снова вроде бы почувствовал себя счастливым. Постепенно ему удалось стабилизировать свои отношения с Анной. Он смирился с тем, что ей по-прежнему была нужна некая свобода. Власов утешал себя мыслью о том, что через какие-то несколько лет она станет его женой.

Тюрьма подкосила в Михаиле зародившиеся на почве богатства чувство уверенности в себе. Его стали часто преследовать необъяснимые страхи. За первый месяц вольной жизни все его друзья, коллеги, знакомства и связи вдруг куда-то делись. Только Зайцев остался в его зоне дружбы.

Как-то Власов пил с ним пиво в очередной занюханной пивной.

– Не ожидал я, что так произойдёт, – начал Леонид.

– Это моя вина и не спорь с этим, ладно, – Власов чувствовал себя крайне паршиво.

– Всё равно рассуждать об этом бессмысленно. Это уже произошло, – Леонид отхлебнул пива.

– И чем теперь будем заниматься? – спросил Власов.

– Не знаю. У меня уже нет никакого желания что-либо делать в плане коммерции. Может, пойду на дядю работать. Ты лучше расскажи, как там на нарах?

– Страшно было, – честно признался Власов. – Вот что. Постоянно думал, что меня там придут и заебашут. Как бы выразилась Анечка. Но постепенно понял, что менты эти сами понимают, что всё это разводилово и как-то лояльно ко мне относились.

– Пайку дополнительную получал?

– Ну, ко мне в камеру нечисть всякую не подсаживали, в жратву не харкали и не пиздили. А могли мне жизнь искалечить за несколько дней. К тому же я – всего лишь обычный коммерсант. А не какой-нибудь оппозиционный политик там, – Власов выпил пива и закусил сухарем.

Леонид рассмеялся.

– Небось, почувствовал себя Ходорковским?

– Да какой из меня Ходорковский? – Власов снова отхлебнул пива. – Самое смешное, что среди наших товарищей по этим всем окломэриевским делам распильщиков хватало. Почти все были замешены в коррупционных схемах, а взяли нас. Мы там вообще непонятно каким боком уперлись! Только бабло им отстёгивали за крышевание и на всякую херню, а они нам – ноль! Вот это меня веселит страшно.

– Ты тупишь, – Лёня сделал долгий глоток. – Наоборот те, кто в схемах участвовал это свои люди для них. А мы, которые на задворках существовали с нашими терминалами, в их мутных делах не участвовали и были как раз лакомым куском. Вот какое дело. Там же всё схвачено. Эта система не хуже Госплана СССР. Скорее всего, она как раз и эволюционировала из теневой советской экономики. Помнишь хлопковое дело?

Власов прочувствовал эту мысль и допил пиво.

– Да. Видело бы нас всё то партийное старичье, которое клеймили на съездах народных депутатов в рамках борьбы с привилегиями, – Власов рассмеялся. – Помню, как Ахромеева ругали за то, что он у себя на даче имел казённый холодильник Зил, а он ещё и оправдывался потом.

– Ты вот не поднимай эту тему, – Леонид допил пиво. – Я вот Родину нашу люблю и уважаю, но совок ёбаный презирал всегда. Начиная, что они чуть род мой не сгноили по тюрьмам и войнам. И дедушку моего посадили за торговлю валютой.

– Оказывается коммерция это у вас семейное, – Власов рассмеялся.

– Да. Вот Миша когда твой папа в “Вестнике гласности” работал, я с ним был согласен на сто процентов. Но сейчас ... и ты ещё ударился в ностальгию по всей этой колбасе за два двадцать. Ленин сделал всем укол в голову или забил всем в голову ржавый гнилой гвоздь. Наш советский уклад он был

как мода на маленькую ногу у женщин в Китае или в Японии. Я не помню. Когда они там доски девочкам вставляли в стопы, и ноги потом росли криво.

– А как же НЭП?

– НЭП? Ленин это был демон. Он бы сто пудов, в конце концов, когда страна пережила бы голод и разруху от последствий военного коммунизма, свернул бы весь НЭП к чертовой матери, а ресурсы экспроприировал. Сейчас принято у наших либеральных деятелей ругать Сталина, но он был всего лишь учеником Ленина. И всегда это подчеркивал.

– В своих трудах Ленин никогда не упоминал о коллективизации с колхозами, а писал о кооперации. У папы моего была теория, что если бы не Сталин, а Бухарин или Луначарский возглавил бы СССР после Ленина, то это была бы страна, которая бы в итоге по своей передовой сути и развитию обогнала бы страны капитализма.

– Очередные интеллигентские бредни.

– Может быть. Я тоже не фанат Союза, но не могу до конца возненавидеть прошлое. Всё равно остаются светлые пятна. Не знаю. Может быть из-за того что мы говна хлебнули как раз в девяностые.

– Мы просрали экономику, Миша. Когда капиталистические страны от обустройства реального сектора экономики перешли к освоению виртуальной экономики и построению глобальной системы распределения труда. Мы ещё топчемся в реальном секторе. Всё никак не можем решить вопрос соб-

ственности на средства производства, пока они на фореках там миллионы долларов сколачивают из ничего. Мы отстали как минимум лет на сто и ещё не факт что догоним их.

– Ты лучше скажи, что нам делать? – снова спросил Власов.

– Ничего. В носу ковыряться. Я же сказал уже. Нужно жить в своё удовольствие. Нам денег хватит ещё и на то чтобы внуков поднять.

– Ещё хорошо, что нам хоть что-то оставили. А то могли и экспроприировать для нужд голодных рабочих и крестьян.

Они не заметили, что самая острая часть их дискуссии происходила в отсутствии выпивки.

В итоге они решили просто радоваться жизни. Власов быстро смирился с таким положением дел, но только не Аня. Она остро переживала даже не потерю доходов, а то, что они были выкинуты из тусовки. Постепенно она всё же привыкла к новому положению. И жизнь Власова была нормальной, пока ему не позвонил Петров. Он предложил встретиться. Их встреча произошла в приличном ресторане, но без намёка на гламур. Петров выглядел более демократично, чем обычно. После обмена любезностями их разговор перешел в практическое русло.

– Ты знаешь, Миша, что стал звездой, – иронично заметил Петров. – Тебя показывали по всем каналам в рамках борьбы Партии с ненавистными народу продажными коммерсантами.

– Я невиновен.

– Смотря, с какой стороны посмотреть. Ясно одно ты – безработный. А дело твоё знаешь у кого теперь? – с ухмылкой произнес Петров.

– У сына генерала Вершинина. Я знаю, – Власов злился. – Если ты пришел сюда глумиться, то я уйду. Всё, – Михаил встал из-за стола.

– Стой! Успокойся, – Петров растерялся. – Извини, у меня бывают проблемы с общением. Кстати, это я вытащил тебя из когтей вакханалии государственного рейдерства.

– Чё, правда? – Михаил сел обратно за стол.

– Гэбэ хотело засадить тебя по самые гланды. Вершинин бесился, орал, говорил, что вывезет тебя в лес, заставит рыть себе могилу, а потом ... ну ты понимаешь. Ты поступил не по понятиям. Я еле смог тебя отмазать. Считаю, что это очередной дар от моей совести, – съехидничал Петров.

– И для чего тебе понадобился я?

– С чего это ты так решил?

– Я думаю, что у тебя кончились креативные идеи, вернее у тебя их вообще никогда не было, – с ехидством заметил Власов. – И теперь тебе нужен я как доступ к архивам “Вестника гласности”.

– Скорее к “Нашей Советской Родине”. Я очень уважаю Петра Сергеевича. Этот человек достиг глубочайшего понимания нашего народа и действительности. Если бы не его интеллигентность, то это был бы влиятельный и обеспеченный

человек. Поэтому ты мне нужен в администрации. Назревают большие дела, а у нас жесточайший кадровый дефицит.

– Как ты вообще туда дорвался? – спросил Власов.

– Начинал я, так же как и ты. Вот только я со своей головой дружу и постепенно смог сблизиться с ребятами в погонах и войти в их схемы. А ты что? Вёл себя как подранок-аутист. Поэтому они тебя и отжали.

– Что сказать. Ты всегда был борзым. Но я привык жить не по лжи. Сам как-нибудь проживу без схем и структур. Я в тюрьму возвращаться не собираюсь, – сказал Власов.

– Так, давай оставим эти глупые инсинуации. Ты мне нужен для глобального проекта. Если мы пробьёмся в Партию, у тебя снова будут деньги и влияние. Я уверен, что твоя тёлка будет очень рада московской атмосфере.

– И зачем это мне? У меня уже денег хватает, чтобы обеспечить себя и свою тёлку, которой у тебя никогда не будет.

– Ты опять мыслишь как тварь дрожащая. Власть и влияние, которое ты получишь, если мы вступим в Партию, помогут тебе заявить о своих правах. Отомстить Вершинину. Ты же хочешь отомстить? – ухмылка Петрова приобрела оскал.

– Возможно, – тихо сказал Михаил.

– Вот и отлично. Оформим тебя на анонимных началах. В канцелярию или в отдел кадров. Чтобы журналисты не пронюхали и прочие политулухи. Первые два месяца бумажки перекладывать будешь, потом попрошу, чтобы в отдел тебя взяли. Как приедешь, я тебя сразу со своей начальницей по-

знакомлю. Она хорошенькая, но замужем.

– И чем придаться заниматься в итоге?

– Ничего сложного. Постепенно втянешься. Я тебе совет хочу дать напоследок, – Петров взглянул на часы. – Интеллигентность это очень вредное качество, Миша. Это как болезнь. Она разъедает тебя изнутри и превращает нормально-го человека в тряпку.

– Ленин выражался прямее, – пошутил Власов.

– Да. Ильич это понимал. Вот в чем дело, Миша. Чтобы выжить, необходимо противостоять болезни. Вытравливать из себя интеллигентность всеми силами. Тебе стоит этим заняться, а то тоже, в конце концов, окажешься в какой-нибудь газете типа “Свободный капитал”. И я не хочу унижить тебя и тем более твоего отца. Ох. Какой же это был ум. Какой ум.

После такой судьбоносной встречи Михаил захотел переговорить с Зайцевым касательно их дальнейших планов ну и попить пива. За кружечкой Михаил пересказал ему свой разговор с Петровым.

– Давай начнем всё с нуля в Москве, – предложил Власов. – Заодно отомстим этим говнорям.

– Я бы очень хотел так поступить, но нет. Мне Маринка скоро дочку родит.

– Ты же там когда-то хотел помочь России. Собираешься отсиживаться дома, пока русский народ гибнет пачками под пятой коррупционеров? – съехидничал Власов.

– Валить надо из этой страны, Миша. Здесь абсолютно

невозможно жить.

– Пораженец. Получается, уже позабыл все свои идеалы и всю готовишь трактор?

– У меня будет дочка. Я не могу жить как раньше. Мы с женой уезжаем в Чехию. Если получится открою там маленькое дело. Забей ты на эту чернуху. Бери Анку и давай с нами к чехам. Представляешь, какое там пиво? Не то, что мы тут с тобой пьем.

– Я остаюсь, – тихо сказал Власов. И не только ради возможности отомстить. Говорят что месть – удел слабого человека. А я никогда не считал себя сильной личностью. Дело в том, что я хочу увидеть изнанку нашей жизни. Узнать, что существует на самом деле.

– Удачи тебе в этом начинании. И забей лучше на Вершина и его братию. Целее будешь. Я позвоню тебе, как устроюсь. Что я ещё хотел сказать тебе напоследок? Помнишь, ты как-то говорил, что жизнь исполнена глубоким трагизмом?

– Было дело.

– На меня что-то тоже хандра налетела в последнее время. Вот что, Миша. У нас тут простой человек никому не нужен. Все эти права человека – может они где-то, и существуют, но не здесь. А у нас укатать можно любого без суда и следствия. Вообще никому не нужны простые люди. Всем нужны профессионалы. Если ты профессионал, то сможешь устроиться в любом обществе. Даже в Африке.

– Иногда крах это всего лишь начало нового пути, – по-

думал Власов.

Анна была безумно рада возможности переехать в Москву. Так как Михаил смог обеспечить достойную старость своим родителям, квартиру в Питере он переписал на Георгину. Всё-таки будущая тёща. Она была до слёз тронута таким хорошим отношением к ней со стороны Михаила, но не смогла принять её. Власов думал, что виной этому был советский аскетизм.

Позже на кухне она завела разговор с Власовым. Предварительно пропустив стаканчик дешёвой водки.

– Ладно. Буду там за порядком следить, – начала она. – Но у меня какой порядок? Как Анька свалила к тебе, то тут постепенно тараканы завелись. Так она их отпугивала своим видом. Ты пельмени будешь с макаронами?

– Спасибо, нет.

Она сняла с плиты сковороду с едой, потом поставила её на стол вместе с бутылкой водки. После чего села за стол, пододвинула к себе сковороду и принялась потихоньку кушать. Вместо омерзения от лицемерия этой картины Власов почувствовал нахлынувший на него поток меланхолических воспоминаний из своей юности. Первые годы развала Союза, когда их семья питалась непонятно чем, а их дневной рацион как раз укладывался вот в такую же сковородку.

– Плохо. Ну, мне больше достанется. Я же чё тебя сюда позвала? Поделиться хочу. Ты же мужик умный. Я на пенсии, но недавно снова вернулась преподавать в институт Техни-

ко-Математической Физики имени Вернадского. Четыре раза в неделю лекции читаю. Работать некому, а мне там одно удовольствие находиться.

Георгина налила себе стакан, выпила и закусила пельменем.

– Хотя бы пить будет меньше, – подумал Власов.

– Мы там с профессурой организовали общество по спасению России. И создаём левую партию “Социально Справедливая Соборная Россия” ну или общественное объединение. Будем восстанавливать социализм.

– А чем вас капитализм не устраивает?

– Тем, что если мы в кратчайшие сроки не восстановим социализм, то всё население России просто сдохнет.

– Да? И почему, – с иронией промолвил Власов.

– Потому что у народа неоткуда взяться деньгам. Ты же Макрса читал? Первичный капитал добывается с поля. Мы высчитали, что у нас в стране ему просто неоткуда взяться. В России вообще в этом плане уникальная ситуация. Не хватает ни пахотного клина, ни фотоактивной радиации. Земля родит только рожь и перловку. Ну и картошечку. Не хватает витаминов, вследствие чего плодим нацию цинготников и потенциальных суицидников, которые в тридцать пять лет уже все импотенты пропиты. А для того чтобы вернуть России сельскохозяйственную обеспеченность необходимо восстановить единую систему народного хозяйства. Единый бюджет и Госплан. Иначе сдохнем все! Капитализм показал,

что за эти гнойные годы с развала Союза мы упорно движемся к такой же ситуации, которая была в девятьсот семнадцатом году. И к две тысячи семнадцатому придём к ней.

– Так мы же добываем пшеницы больше чем при СССР. Хлебушка для народа хватает пошамкать.

Она налила себе ещё и закусила пельменем.

– Правильно! Тогда мы тратили её на откорм скотины. А сейчас мы это мясо покупаем за нефть и газ.

– Ну, вот и без всякого Госплана.

– Да слушай же! – она злилась. – Эта нефть она скоро вообще копейки будет стоить, а мы все просто сдохнем от голода без развитой экономики. Наша страна банкрот. Регионы влезают в долги. Экономика развалена!

– Я бы так не сказал. Как по мне то, несмотря на всё я живу лучше, чем тогда и чем в девяностые.

– Потому что ты вписался в когорту жуликов, бандитов, воров и убийц, которые пришли к власти обобрали народ и сейчас разбазаривают остатки советской инфраструктуры. Пока народ потихоньку нищает идохнет! Вот разве это, потвоему, справедливо?

Мысленно Власов представлял Георгину в числе революционеров первой волны. Тут Михаил вдруг осознал причину взглядов на действительность Анны и её одобрительной оценки действующему политическому укладу. Отчего он даже невольно посочувствовал ей.

– Да, – неожиданно для себя произнёс Власов.

От утвердительного ответа Власова Георгина вмиг наполнилась злобой. Её блёклые глаза наполнились блеском. Она была готова впасть в истерику, но Власов как бы оборвал её прорыв, продолжив мысль.

– Кипит наш разум возмущенный, – подумал он.

– Ну, вот смотри, – продолжил Власов. – Ты же учитель? И вот у тебя в группе есть обычные ученики, есть хорошисты, если отличники, а есть хулиганы и оболтусы. Так же и в жизни. Люди не рождаются равными. И в жизни своей люди не тоже равны друг другу. И богатство по жизни получит только узкая самая работоспособная прослойка населения. А вы предлагаете всё отнять и поделить блага между теми, кто заработал их и теми, кто их не должен иметь. Пусть даже что заработок этот был нечестным путём. По крайней мере они хоть что-то делали, а не просто бухали и опускались.

– Засунь себе в жопу своё отнять и поделить! – заорала Георгина. – Отнять и поделить – это наглая пропагандонская ложь! У кого отнимать и делить? Что можно было отнимать и делить в нищей сраной России девятьсот семнадцатого года? Сифилис? Туберкулёз? Что можно делить у теперешних олигархов бандитов-убийц? Они что сами вот с нуля создавали эти свои заводы?!

Власову казалось, что вот-вот и у неё пена пойдёт изо рта от злости.

– Запомни! Вся, вся Российская индустрия была создана при социализме! Царская Россия была нищим кишлаком!

Я уже не говорю об ГОЭЛРО и борьбы с неграмотностью! Ты, бля, вот представляешь себе, что такое была гнойная словесная образовательная система в той России?! Да. На Западе капиталист мог в одиночку создать предприятие. При их высокой сельскохозяйственной обеспеченности. Но в нашей стране все эти концерны были созданы не капиталистами одиночками, а большими массами народа под руководством государства. И принадлежать они могут только всему народу!

– Учитывая, что индустриализация была проведена иностранными специалистами на деньги, отнятые у раскулаченных крестьян и духовенства. А потом продолжалась руками ГУЛАГовских зеков. И не стоит забывать про экспропрированное наследство Царской России. Путиловский завод и всё такое.

– Это миф! Это грязный и лживый миф! – её глаза наполнились жгучей злобой. – Не было никакой коллективизации и репрессий попов! Как и ГУЛАГов! Путиловский завод это вообще была собственность иностранной фирмы, как и почти вся промышленность царской России к моменту отречения Николашки номер два. Страна была колония! Колония! И революция вернула государство народу! Создав РЕССОВ-ДЕП!

Она налила себе стакан, опустошила его и заела макаронами. Пока Георгина делала это, Власов заметил, как из вентиляционной дыры выполз черный таракан и медленно по-

полз по желтеющей стене в направлении газовой плиты.

– Это всё конечно очень интересная теория, но вот что я хочу сказать...

– Это не теория! – перебила Георгина. – Это правда, которую скрываю от вашего пропитого водкой и пэпси поколения.

– Кто бы говорил, – подумал Власов.

– Давай лучше вернёмся к пахотному клину и сельскому хозяйству. Вот если ты говоришь что мы бедные не, потому что у нас отсталая страна в интеллектуальном плане, а потому что у нас земля не родит, то допустим в каких-нибудь странах латинской Америки или Африки где хороший климат люди должны жить богато? Но они там живут бедно. А кое-где даже хуже чем мы при капитализме.

– Тут да. Ну, это зависит от каких-то культурных особенностей уже.

– Вот! Это я и хотел услышать. Благополучие страны зависит не от пахотного клина и даже не от социализмов, а от её интеллектуального развития. В это понятие входит различный комплекс таких факторов как: развитые институты, развитое гражданское общество, уровень образования и тому подобное. Допустим вот если вдруг завтра в Америке или в какой-нибудь другой развитой стране установят социализм, то это будет совсем другой социализм, чем тот, что был у нас. Для начала это будет социализм с человеческим лицом. Так что пока мы не поднимем у себя в стране все эти

вещи у нас, что монархия, что коммунизм, что капитализм – один хрен.

Под конец Георгина не забыла упрекнуть свою дочь, назвав её “драной кошкой” и “блядиной подзаборной”. Она снова убеждала “золотого человека Мишу” прекратить всякие отношения с Аней. Но Михаил любил её.

И вот Михаил с Анной уже сидели в купе Сапсана и ждали отправления.

– Блин, лишь бы никто к нам не подсел, – сказала Анна. – Билетерша дура продала нам билеты в разных купе. Я так не хочу идти к той старухе. Она такая страшная.

– Я думаю, мы поедem одни, – ответил Власов.

– Миша, всё будет хорошо, – Аня под села к Власову. – Мы всё преодолеем, – Аня обняла Михаила и поцеловала в губы.

Дверь в купе открылась, в него вошел высокий худошавый молодой мужчина в очках. Всем своим видом он напоминал стереотипного ботаника.

– Я вам не помешал? – с улыбкой сказал он.

– Нет, мы уже заканчиваем, – ответил Михаил.

– Дмитрий, – мужчина протянул руку Власову. – А вас как зовут?

– Михаил, – Власов пожал руку Дмитрию. – А эту чудесную девушку зовут Анна.

Аня кинула глубоко презрительный взгляд на Дмитрия, взяла свои сумки и с недовольным видом направилась в купе к старухе.

– Ну вот, мы остались в чисто мужской компании, – с какой-то неловкостью произнес Дмитрий. Он порылся в своих вещах, вытащил бутылку водки и поставил на стол. – Ну что, будем?

– В принципе можно, – согласился Власов.

Тем временем поезд тронулся, а они уже успели пропустить пару стаканчиков и разговориться. Оказалось, что Дмитрий был сотрудником одного из КБ, занимающегося созданием спутников связи для последующего выведения их на орбиту Земли. Когда Дмитрий узнал историю Власова, он ничуть не удивился роли государства в судьбе Власова и рассказал ему свою историю.

– Смотри, – Дмитрий аккуратно поставил одну из своих сумок на столик, расстегнул, после чего Власов заметил, что сумка была набита пачками вечнозелёных долларов. – Сколько думаешь здесь валюты?

– Не знаю, – ответил Власов.

– И я не знаю, – Дмитрий уже был полностью пьяным. – Это мне надо в МГУ занести одному человеку там и ещё в ФСБ занести, чтобы не искали.

– А в чём смысл проблемы?

– А в чём смысл проблемы? – Дмитрий налил себе стопку водки и выпил залпом. – Смысл в том, что я пять лет проработал в закрытом КБ, платили мне, значит, двенадцать штук. Денег жёстко не хватало. Приходилось подрабатывать барменом и охранником.

– Слышь, это, – Власов рассмеялся. – Почему наши спутники вместо того чтобы входить в плотные слои атмосферы, входят в плотные слои воды мировых океанов?

– Это вопрос серьёзный, – Дмитрий выпил очередной стакан водки. – Тут есть две гипотезы, так сказать. Первая гласит, что российским спутникам настолько обидно за державу, что они лопаются от стыда, падают или сгорают в атмосфере. Вторая гипотеза – официальная. Она заключается в том, что никаких спутников никогда не запускали. Брели деньги для создания спутников, пиздили эти деньги, потом делали запуск, что называется: “на говне”. Запускали пустую ракету, да, не докладывали туда топлива или, там, винтик какой-то. А народ потом наблюдал, как ракетоноситель сгорал в свободном падении вместе с мечтами большинства россиян.

Власов не мог сдерживать смех.

– Вот ты ржешь, а ведь это национальная трагедия.

– Так для чего тебе нужны эти деньги?

– А? Деньги, – Дмитрий выпил очередной стакан водки. Он был уже окончательно пьян. – Когда гниение моего КБ достигло пика, а инфляция прожирала всю мою зарплату, я решил поучаствовать в одном конкурсе европейского космического агентства. Мне повезло, я получил гранд. Теперь, чтобы мне туда уехать жить, нужно этим грандом поделиться кое с кем. А то не выпускают из страны.

Внезапно Дмитрию стало плохо, он вырвал на пол, Миха-

ил быстро сориентировался, провел Дмитрия до туалета, где он продолжил опустошать содержимое своего желудка.

– Вечно эти ботаны перебарщивают с алкоголем, – думал Власов.

– Мне, ещё ... это. В Курчатовский Институт надо, там, занести что останется, – сказал Дмитрий, не отвлекаясь от опустошения желудка.

В остальном поездка прошла без особых эксцессов. Правда ребята с московских окраин бомбардировали камнями поезд и даже попали в окошко купе. Михаил связал это действие с протестом простых парней против всепоглощающей безысходности существования. У Власова не возникло никаких проблем с устройством в Москве. Петров пробил ему невзрачное место в канцелярии. На удивление Власова к месту прилагалась четырехкомнатная квартира в элитной новостройке и БМВ. Свой старый Мерседес Власов продал сразу же, как вышел из тюрьмы.

– Почему? – недоговорил Власов.

– Авансом, Миша. Авансом, – перебил его Петров. – Ты уже в команде, но надо соблюсти конспирацию. Враги не дремлют.

– Что за враги?

– Политологи, журналюги, НКО с иностранным участием, правозащитники и прочие твари. Атлантисты короче. Хотят вернуть над Россией контроль. Чтобы как при дедушке ЕБНе всё было.

Впечатление от Москвы было довольно сильным. Если Питер казался Власову мрачным и интеллигентным городом, то Москва представляла собой нечто бешенное. Власов думал, что в Москве жило как минимум в два раза больше людей, чем полагает перепись. Особенно это чувствовалось, когда он был вынужден стоять в пробках. К тому же Михаил заметил, что в Москве были проблемы с промежуточным социальным статусом. Это значило, например, что на дорогах было трудно встретить машины в среднем ценовом диапазоне. Та же тенденция наблюдалась и в архитектуре. Помпезные и фешенебельные здания прекрасно соседствовали с чем-то серым и вопиющим.

Когда все конспиративные дела были соблюдены, а Власова перевели в отдел, Петров познакомил его со своей начальницей. Это была высокая, статная сероглазая блондинка Ярослава Сорокина. У неё были правильные черты лица, она была хорошо сложена и всем своим видом напоминала славянскую красавицу. Отдел Сорокиной занимался массовой информацией и имел какое-то отношение к Национальным Проектам.

Когда Петров только предложил Михаилу эту работу, Власову казалось, что новый род его деятельности будет безумно трудным и сложным. На деле всё опять оказалось совсем наоборот. К тому же реальность политических технологий нравилась Власову гораздо больше, чем его предпринимательский быт и тем более быт врачебный. Все эти разговоры, экс-

пертные оценки, концепции и прогнозы напоминали Власову об интеллигентских посиделках на кухне из его детства. Так что он получал чувство глубокого удовлетворения от работы. А она всегда имела высокую оценку, что дико раздражало Петрова. К Михаилу постепенно возвращалась утраченная уверенность в себе.

Через пару месяцев им поручили тот самый серьезный проект. Это было нечто связанное со средствами массовой информации. Петров рассказал о нём Власову за обедом в столовой для персонала Останкино. Перед этим Петров познакомил Михаила с коллективом телевизионщиков.

– Так и работаем, – начал Петров. – Как при советской власти. Только теперь агитпроп поступает в каждый дом напрямую. И больше не нужны ни пионеры, ни комсомольцы. Не нужно просиживать штаны на всевозможных комунячных собраниях. Даже сама Коммунистическая Партия Советского Союза как монолитная структура уже не нужна.

– А что делать с политизированными гражданами, которые реально задумываются и имеют свои мнения? – спросил Власов.

– На этой ноте, Миша, я хочу покрасоваться перед тобой, – с гордостью сказал Петров. – Именно для этого меньшинства российского населения, мною была разработана специальная концепция противодействия. Концепция простая, она заключается во множественных идеологических и смысловых уловках.

– Как это выглядит с практической точки зрения?

– Мы пускаем в информационное поле только правильные передачи, чтобы создавать нужный нам информационный фон. Жалко только, что теперь этого недостаточно. Поэтому мы перешли к точечному воздействию. Например, мы пускаем в публичное пространство на противоположном идеологическом фронте только тех людей, чьи политические убеждения не несут угрозы государству. Главное подобрать такие кадры, которые сами свято верили бы в свой не опасный для нас политический дискурс. Такой подход похож на своеобразный выпуск пара и направлен на удовлетворение умеренно оппозиционно настроенных людей. А радикалов мы просто мочим. Радикализм – способ борьбы серой малообразованной массы российского населения. Этим людям уже давно никому не жалко, – сосредоточенно произнес Петров.

Интеллигентность Власова снова дала о себе знать.

– Конечно, всё это очень круто, но не кажется ли вам всем, что это несправедливо по отношению к простому русскому народу. Ведь вы, по сути, ввели общество в заблуждение и втихаря откачиваете ресурсы, – сказал Власов.

– Ты не понимаешь философии нашей элиты. Они считают, что власть является отражением народа, в этом смысле любой народ достоин своей власти. Они понимают, что политические чаянья российского большинства отражает красная диктатура с уклоном в славянофильство. Поэтому они стараются спиздить как можно больше, а потом свалить, по-

ка критическая масса красных славянофилов не захватит себе власть и не создаст новый совок или придумает что-то похуже. В этом смысле наша элита является чистейшими временщиками.

– Никогда об этом не думал. И как бы выглядела такая диктатура? – с интересом спросил Власов.

– Восточная мудрость гласит, что надо взять всё самое лучшее из востока и запада. Российский человек берет всё самое худшее из востока и запада. Это значит, что нас может ждать красно-коричневая диктатура, слияние Гитлера и Сталина в эстетике Российской Империи. Православное-национал-коммунистическое-самодержавие, когда-нибудь слышал о таком? – с ухмылкой спросил Петров.

– Нет. И чё вот это действительно возможно? – растерянно спросил Власов.

– Более чем. Ладно, Миша, мы отвлекись от темы. В общем, нам наконец-то дали добро на тот самый проект. Правда, начальство не уверено в твоей приверженности нашим идеалам, но думаю, что со временем ты вступишь в тему. В этом смысле, если нам удастся повернуть это дело, ты сможешь взять Вершинина за яйца, – Петров не успел договорить.

– Каким образом это произойдёт? – перебил его Власов.

– Не буду вдаваться в детали, скажу только, что правильные пацаны всегда платят свои долги. А смысл нашей с тобой работы в том, чтобы разработать концепцию информацион-

ных передач для манипулирования общественным мнением. В этом плане мы подходим к тому, зачем ты мне здесь нужен. Ты был прав. У меня есть большие проблемы с работой из-за профессиональной деформации личности. Поэтому мне нужен ты – умный человек из народа, который умеет работать в объективной российской реальности.

– И как будет выглядеть моя работа? – спросил Власов.

– Работать будешь напрямую с Василием. Перед тем как ты будешь давать ему свои наработки, я должен буду внести в них коррективы. Чтобы ничего не противоречило идеологии внутренней политики.

– Получается, что я беру на себя основную работу, а вы только вносите коррективы? – с ехидством спросил Власов.

– Да. И это нормальная практика для людей вне системы власти, – с иронией произнес Петров.

Михаил Власов и операция прикрытия.

Постепенно Власов сблизился с Петровым. Он удивился, что нашел в этом человеке отзывчивого друга и товарища. К тому же Петров понравился Анне и даже по просьбе Власова устроил её на должность пиарщика в хорошую фирму. Они проводили много времени втроем, а иногда вчетвером, когда Петров появлялся в обществе модели или дорогой проститутки. Хотя это, в принципе, было одно и то же.

В Москве Анна изменилась. Она становилась всё более

высокомерной, в ней появлялась надменность и тщеславие. Иногда она даже позволяла себе немножко подколоть Власова. Её сияющее лицо и улыбку постепенно заменяла циничная ухмылочка. Власов был не в восторге от возвращения старой версии Анны.

– И это пройдёт, – думал он.

И когда Власов в один ясный день обедал в суши-баре прямо возле его элитной новостройки, он тоже думал об Анне. Пока к нему за столик не подсел неизвестный мужчина. Власов отвлёкся от еды, поднял глаза и узнал в этом человеке Владислава. На нём была футболка с мрачной панорамой Лондона, джинсы, туфли и старый советский ватник с шарфом. Этот ватник придавал Владиславу особую радикальную форму эстетизма. Власов выглядел проще. На нём были только кроссовки, джинсы и шелковая рубашка.

– Я удивился, когда узнал тебя в самом измученном человеке в помещении, – начал Владислав. – Привет, кстати говоря.

– Здорово, – они пожали руки. – Живешь в Москве?

– Да, в том доме, – Владислав указал рукой на ту самую элитную многоэтажку.

– Получается, что мы с тобой соседи, – ответил Власов. – Не думал, что когда-нибудь тебя увижу.

– Я вообще-то в Питере был, можно сказать, на гастролях. А что такой кислый? – карие глаза Владислава хитренько заблестели. – Давно не кушал грибы и утратил связь с Роди-

ной?

Владислав рассмеялся.

– Сам сказал – сам поржал. У меня проблемы с девушкой. Я встречался с ней много лет и сделал ей предложение. Она отказалась, сказала, что ей нужно время, – с угрюмым видом произнес Власов.

– Она тебя не любит, – сосредоточенно произнес Владислав. – Тебе надо её бросить.

– Я знаю. Я её люблю.

– Она тоже из бизнеса? Всё не можете поделить деньги? – спросил Владислав.

– Нет. Она танцовщица.

Владислав снова рассмеялся.

– Тогда, парень, тебе нужно её моментально бросать. Прямо сейчас пойти и послать сосать независимость от жизни, – предложил Владислав.

– Я не могу её бросить, – признался Власов. – Если это случится, то с ней непременно произойдёт куча разных плохих вещей. Мы в ответе за тех, кого приручили.

– Почему я вообще разговариваю об этом с этим чуваком? – думал Власов.

– Знаешь что. Если женщина, с которой ты в близких отношениях тебя не уважает, то от неё нужно избавляться. Она тебя использует. Всё это принесёт тебе только ненужные страдания. Я тебе посоветовал бы обратить внимание на науку этологию. Узнаешь много нового об отношениях, о себе

и своём месте в мире.

Даже когда ближе к вечеру Михаил прибыл в кабинет к Петрову, его голова была полной всяких мыслей. Николай поприветствовал его твёрдым рукопожатием и как обычно решительным взглядом. После обмена любезностями они перешли к разговору о работе.

– Как там поживают мои наброски? – спросил Власов.

– Прекрасно. Мы ничего не корректировали. Только вот Василий может не одобрить такой подход.

– Почему? – растерянно спросил Власов.

– Видишь ли, Миша, Василий по своей природе глубокий эстет. В его понимании ты бегаешь из крайности в крайность. Но твоя последняя концепция просто гениальная.

– Это хорошо. Я вот ещё о чем хотел тебя спросить, Коля. Может, это будет выглядеть наивно, но было бы продуктивней, если бы мы занимались реальной дискуссией, а не имитацией?

– Когда мы с твоим отцом в светлые времена перестройки работали в газете “Вестник гласности” мы занимались этой реальной дискуссией и реальными вещами. И к чему это привело? – Петров не дал Власову ответить. – К развалу страны. Вот к чему.

– Но то чем мы занимаемся это фейк. И это не просто топорная советская пропаганда, а нечто уникальное по своей лживой сущности. Мы как бы создаем отдельную реальность.

– Именно, – перебил Петров. – Закрытую систему фактов и идеологием. В какой-то мере этой системой был Советский Союз. Вообще возможность построения такой системы – прямое наследие закрытых тоталитарных обществ.

– Но ведь это своего рода бегство от реальности и проблем.

– Нет. Именно это и есть решение.

Власов был изумлён.

– Позволь объяснить, – начал Петров. – Крах перестройки послужил уроком для наших теперешних властителей и крах этот произошел как раз, потому что мы начали лезть в глубину, копаться в прошлом, а главное пытаться что-то исправить. Ничего нельзя исправить! Ничего! И если сейчас полезть в глубину, начать заниматься реальными делами – Россия сгинет где-то за несколько лет. Немцы уже наступили на эти грабли.

– Я с этим не согласен, – твёрдо сказал Власов.

– Я тебя понимаю, – впервые Власов лицезрел улыбку на его лице-бульдозере. – Когда я начинал, то тоже так думал.

– К тому же у папы моего был противоположный взгляд.

– Он ошибался. И не только он один. Я ошибался вместе с ним. Нам всё время казалось, что если бы Горбачев каким-то образом смог сохранить власть, улучшить, демократизировать СССР, а главное дожить до высоких цен на нефть, то мы бы увидели колоссальный рывок. Пётр считал, что следуя логики тогдашних процессов в обществе, следующим шагом

после отмены шестой статьи была бы отмена выездных виз и так далее. Вплоть до преобразования СССР в полноценное социал-демократическое государство.

– Ты хочешь сказать, что СССР развалилось именно из-за процессов, которые на деле его улучшали?

– Да. И это не абсурд. Но это не был умысел Горбачева и остальных. Они понятия не имели о том, какие последствия будут у их деятельности. Андропов считал, что мы не знаем страны, в которой живем, а Горбачев, который был с ним в дружеских отношениях, продолжил его линию на осмысление и исправление действительности. Но условно демократическими методами. А в действительности этой на деле было столько исторического дерьма, что как только им начали заниматься, то страна сразу рухнула.

– Ты хочешь сказать что развал произошел из-за того что виртуальная реальность победила реальную? – спросил Власов.

– Да. Но это не всё. Советские вожди не имели понятия о том, что строят закрытую систему фактов и идеологием, которая не имеет никакого отношения к реальности. Кто-то даже считает СССР некой формной теократии, но нет. И теперь я подхожу к смыслу нашей важнейшей роли в современном российском государстве.

– Мы управляем этой виртуальной реальностью идеологием и следим за тем, чтобы она не затуманила разум начальства?

– Именно так, Миша. Всё именно так.

Перед тем как поздно ночью уехать на встречу с Василием в Останкино, Михаил хотел найти в Черновике что-то, что могло бы помочь ему решить проблему с его проектом.

“ .....криминальная революция девяностых отчасти была серьезно подпитана средствами массовой информации, что вызвало взрыв преступности в неожиданных социальных группах. Так появление бесчисленного количества сериалов на криминальную тему вызвало рост преступности в подростковой среде ....”

Михаил долго листал Черновик, но не смог больше найти чего-нибудь о влиянии средств массовой информации на умы людей. В основном вся найденная им информация касалась политики, но сейчас Михаилу было не до выборов. Он прибыл в Останкино где-то к трем часам ночи, кабинет Василия был на самом верху башни. Он был высоким тощим мужчиной с пышной чёрной шевелюрой и усами. Одет он был в строгий костюм. Василий встречал Михаила презрительным выражением лица и сухим рукопожатием.

– Присаживайтесь, – сказал Василий. У него был приятный и немного грубоватый голос.

Михаил сел за удобное кожаное кресло. Из окон кабинета открывалась чудесная панорама города. Михаилу казалось, что останкинская телебашня в российской реальности вы-

полняет ту самую роль, которую выполняло Око Саурона на бескрайних просторах Мордора.

– Вам приятно ощущать себя проституткой? – спросил Василий.

Михаил впал в ступор.

– Что вы сказали?

– Я спросил, приятно ли вам ощущать себя проституткой? Вы знаете, что вы не первый человек на этой должности с кем мне приходится вести дела, но первый человек, впечатливший меня своим товаром. Ваша концепция просто омерзительна, она ставит под сомнения все идеалы журналистики и телевиденья. А ваше отношение к зрителю – просто откровенный цинизм.

– И в чем именно заключается этот цинизм? – спросил Власов.

– В чем заключается? Ну, хорошо давайте почитаем вслух, чего вы там понаписали, раз вам непонятно, – с ехидством промолвил Василий.

“Концепция телевизионного управления массами.

Автор: Власов М.П.

Глава первая. Предисловие.

С появлением ядерных ракет потребность в больших войнах на планете отпала. Парадокс ядерного оружия заключался в том, что ядерное оружие, целью которого являлось уни-

чтожение планеты, послужило мощным фактором её сохранения. После чего перед человечеством возникла проблема в создании других форм оружия массового поражения. Необходимо было создать такое оружие, которое бы по разрушительным характеристикам не уступало ядерному, но не наносило бы особого урона окружающей среде. Так появилось оружие массовой информации.

Глава вторая. Роль ОМИ в развале СССР.

Согласно статистическим данным после Победы в Великой Отечественной войне, создания в Союзе ядерной бомбы, запуска первого искусственного спутника, промышленный и научный потенциал Союза превосходил весь остальной мир. СССР даже мог открыто противостоять всему миру и победить в этой войне. Ближе к середине правления Хрущёва в виду беспомощности западного мира перед военной мощью СССР на СССР стали воздействовать с помощью ОМИ. Первая стадия воздействия предполагала навязывание мифа о том, что “на Западе жить лучше”. Затем началось культурное воздействие на СССР, после чего воздействие ОМИ сменилось экономическим воздействием. Так называемая “мягкая сила” добила СССР, превратив нашу страну в то, что мы имеем. Так западная цивилизация разгромила СССР без единого выстрела в его сторону.....”

– Всё! Я не могу это больше читать, – вспыхнул Василий. – Вы можете совать это враньё этим совкам в администрации, но мне советской колбасы хватило на много лет вперёд.

– Я работаю в рамках генеральной линии партии, – оправдывался Власов.

– Давайте только без шуточек! Опуская всю вашу макулатуру, перейдем к самой проблеме, – Василий продолжил чтение.

“.....Глава седьмая. Роль ОМИ в поддержании государственной власти в стране.

Проблема защиты государственной власти в условиях воздействия на страну ОМИ стала очень актуальной в последнее время. В девяностые годы государство проигрывало воздействию ОМИ. В начале нулевых мы смогли создать информационную завесу вокруг страны, но не смогли полностью избавиться от проблемы.

Для минимизации воздействия ОМИ на умы российских граждан нужно создавать своё ОМИ для внешнего и для внутреннего пользования. Концепция ОМИ для внешнего воздействия была описана в предыдущей главе. В этой части мы детально рассмотрим ОМИ внутреннего пользования.

На начальной фазе внутреннего воздействия необходима централизация всех ресурсов СМИ в руках государства. При этом нужно допускать факт наличия независимых СМИ

с заведомо малой целевой аудиторией для создания иллюзии разнообразия в СМИ. После чего необходимо отойти от политики “информационной завесы” и перейти к политике “управляемого хаоса”.

Политика “управляемого хаоса” заключается в создании в информационном поле заведомо ложных уловок и провокаций для корректировки информационной среды. Для реализации такой концепции необходимо пересмотреть всю политику управления СМИ. Самым главным изменением должно быть окончательное введение фильтрационных списков и освещение каких-либо событий с правильной точки зрения (указанной из администрации).....”

– И вот чё это? – спросил Василий.

– Новая политика в управлении СМИ, – ответил Власов.

– Когда я только пришел сюда работать, страна была абсолютно потерянной. Благодаря тому, что мы убрали из эфира весь блатняк и сменили формацию, мы смогли остановить эту зону. Телевиденье должно облагораживать человека, – как-то отвлеченно произнёс он.

– Он действительно глубокий эстет, – думал Власов.

– Так что, вы, примите концепцию? – спросил Власов.

– Нет. Я никогда не буду в этом участвовать.

– Тогда вы будете разбираться с Хорьковым.

– Мне плевать, – вспылил Василий.

Тут Михаил понял, что самое время сворачивать разго-

вор. У выхода из башни Власова ждал его БМВ. Михаил сел на заднее сиденье, к нему обратился водитель. Он сказал, что Хорьков желает его видеть. Водителем Власова был крепкий мужчина средних лет с проседью по фамилии Матвеев. В прошлом он служил в КГБ. Власов не понимал, почему Хорьков желал встретиться именно с ним. Хорьков был большим начальником, на которого работали все в администрации. Сам Хорьков в иерархии занимал чисто формальную должность советника министра сельского хозяйства. Власов думал, что это тоже было сделано для конспирации. Обычно с Хорьковым встречалась Сорокина. Петров встречался с Хорьковым редко. После этих редких встреч он вёл себя очень раздражительно, а иногда, к удивлению Власова, даже пребывал в глубоко подавленном настроении.

Тем временем машина отклонилась от маршрута, Михаил понял, что они едут на легендарную Лубянку. Машина остановилась возле того самого места, где когда-то был памятник Дзержинскому. Михаилу казалось, что Железного Феликса теперь вполне можно было бы заменить гротескным памятником нефтяной вышки работы Церетели. Михаил посмотрел на часы, было почти четыре утра. Глядя на здание управления КГБ, Власов на пару секунд осознал себя в мрачной атмосфере сталинского террора и репрессий.

– Вроде бы Сталин уже давно сдох, а его труп ещё лежит где-то здесь и отравляет жизнь людям продуктами своего разложения, – подумал Власов.

Хорьков ждал Власова в кабинете для совещаний. В администрации о Хорькове ходили разные слухи. В основном они касались его настоящего происхождения. Власов знал, что когда-то Руслана Хорькова звали Патрис Джамвагабэ, что он негр и точное место его рождение известно только ему самому. Поговаривали, что этим местом было Сомали, но другие считали таким местом Нигерию. Памятуя знаменитое высказывание Сергея Брига, Михаил склонялся к нигерийской версии. Но если говорить по сути, Хорьков сильно выделялся на фоне стереотипных выходцев из спецслужб, которые преобладали во власти в те годы. К тому же он выделялся из образа стереотипного российского чиновника с двумя сальными подбородками. Хорьков имел подтянутое спортивное телосложение, которое он любил подчеркивать в элегантных костюмах. Внешне он был приятным негритянским мужчиной, правда, Власова немного настораживало его каменное черное лицо в очках. Он чем-то напоминал ему Берию. Власов знал, что, несмотря на своё происхождение, Хорьков считал себя русским человеком, но что именно Хорьков вкладывал в понятие “русский” было для Власова большой загадкой.

– Садитесь, – сказал Хорьков.

Михаил сел за кожаное кресло во главе большого стола для совещаний.

– Жаль, что вы не смогли прибыть чуть раньше и насладиться нашей конференцией. Если позволите, давайте будем

на “ты”? – спросил Хорьков.

– Давайте, – Власов немного насторожился такой открытостью.

– Видишь ли, Миша, я человек творческий. Я люблю и уважаю творческих людей и их труд. Я вообще уважаю любой труд, – большие черные глаза Хорькова смотрели прямо на Михаила. – В этом плане меня очень раздражает отношение к человеческому труду, к твоему труду со стороны господина Петрова.

– Он знает, – подумал Власов.

Михаил оцепенел в страхе. Он ерзал на стуле и тщетно пытался что-то сказать. Через секунду он смирился с тем, что его сейчас вроде бы уволят.

– Расслабься, – Хорьков улыбнулся, это помогло Власову успокоиться. – Когда мы только приняли Николая в администрацию, его работа вызывала у всех глубокое восхищение. Приходилось мириться с его характером, отношением к людям и частыми нарушениями субординации. Лично я всегда никак не мог понять, как такой человек как Колян мог писать такие вещи. А когда один из его мелких помощников стал выдавать такие же концепции, какие делал Петров во время расцвета своего таланта, всё сразу встало на свои места.

– Да, не буду отрицать. Я разоблачен. Дело в том, что мы с Николаем давние приятели. Да и я обязан ему тем, что он построил меня в вертикаль.

– Ты знаешь, что в условиях нашей всё ещё зарождающийся-

сы рыночной экономики все сделки купли-поглощения средне-крупных предприятий согласовываются с кем-то в администрации? А что если я скажу тебе, что это именно Николай дал добро на захват твоего предприятия? Какой же это друг?

Власова передёрнуло.

– Это очень хорошо, что я вовремя тебя просветил. Видишь ли, Колян мне не нравится. Наверное, в силу разного взгляда на жизнь. Как ты думаешь, почему развалился Союз?

– Андропов, заговор чекистов, конфликты между демократическим крылом КГБ и консервативным крылом, сдача партийной элиты страны США в обмен на подачки, – еле выговаривал Власов.

– Это тебе по телевизору сказали? Союз развалился, потому что в его броне не было пустот. Когда копьё пробило броню, оно вонзилось прямо в тело, хотя могло увязнуть в пустоте, не задев жизненно важных органов. Петров сторонник наращивания брони, а мы с тобой сторонники создания пустот. Знаешь, когда моё терпение лопнуло?

– Нет.

– Когда Коляну хватило наглости назвать твою прекрасную концепцию оружия массовой информации своей. Для меня это была последняя капля.

– Я так понимаю, что вы хотите его каким-то образом прогнать и поставить меня вместо него? Но дело в том, что основная часть моих концепций, – недоговорил Власов.

– Ох, Миша, – Хорьков улыбнулся. – Если бы я мог, я бы

уже давно так и поступил. Видишь ли, Петров имеет некую поддержку в кругах силовиков. Николай очень удобен этим людям в силу похожего мировоззрения. Но я не могу терпеть весь этот оборонительный, окопный подход к внутренней политике, который разрушил Союз. Очень жаль, что вы не застали наше совещание, могли бы наглядно понять, о чем я говорю. В политике нужен творческий подход.

– Это точно, – поддержал Власов.

– Так что, Миша, мне не нужны бездарности в моем деле. Николай хочет выбить себе место в Партии, и он почти заручился поддержкой нужных людей. Я не могу этого допустить. Я буду продвигать тебя в Партию по своей линии. Я знаю, что большая часть твоих с Петровым концепций родилась из перестроечного наследия твоего отца. Но я вижу в тебе большой потенциал. Не разочаруй меня.

– Спасибо, – Михаил изо всех сил пытался сдержать восторг. – Я в огромном долгу перед вами.

– Разумеется, этого нашего разговора никогда не было. Удачи.

Власов не думал, что Хорьков будет врать ему. И всё равно он до конца не понимал мотивов Петрова. К счастью теперь у него появился покровитель, и это придавало Власову уверенности. Власов помнил о наставлении Хорькова и не переходил к открытому противостоянию с Петровым. Но это было только частью проблемы. В голове Михаила бушевали глубокие этические противоречия. Михаил был озабочен

проблемой справедливости и правильности своих действий. С одной стороны он никак не мог принять свой род деятельности, так как занимался операцией прикрытия для непонятной ему мрачной деятельности власти, которая не совсем была направлена на развитие российского народа. С другой стороны Михаил понимал, что если он опустит руки и уйдет во внутреннюю иммиграцию его место может занять циничный и бездуховный человек, так что Михаил решил поступать, как поступали те люди, которые вступали в КПСС для тщетного улучшения её изнутри. Ведь выдвинутый пражской весной лозунг построения социализма с человеческим лицом так и не был реализован, а советский человек был вынужден до конца жить в социализме с нечеловеческим лицом.

Власов недостаточно хорошо следовал давнему совету Петрова. Не вытравленного в нём интеллигента мучала совесть. Ведь он как бы тоже участвовал в этом большом распиле. Михаил пытался создать концепцию, чтобы вернуть простому русскому человеку чувство надежды хоть на какое-то будущее. Он много раз перечитывал Черновик для поиска позитивных идеи. Впоследствии пришлось попросить у отца остальное собрание сочинений. С трудом Власову удалось систематизировать хоть что-то в концепцию.

Аня закрыла Михаилу глаза руками.

– Всё ещё строчишь? – спросила она.

– Угу, – ответил Михаил.

Михаил обернулся, она только что вернулась с работы,

на ней была белая блузка в обтяжку, строгая черная юбка с чулками. Её образ подчеркивали очки в черной элегантной оправе. Анна не страдала от плохого зрения и носила их, чтобы казаться умной.

– Какая ты у меня красивая.

Анна села Михаилу на колени, погладила его по волосам и поцеловала в губы. Власов почувствовал вкус её помады и прикосновение очков.

– У тебя новые духи? – спросил Михаил.

– Ты заметил? – Анна цинично ухмыльнулась. Власов уже успел полюбить эту её ухмылку.

Анна специально растянула пару пуговиц на своей блузке. Власов страстно поцеловал её, отчего её очки упали на пол.

– Ты такой распушенный. Но я ещё грязней, – с той же ухмылкой промолвила она.

В водовороте поцелуев и объятий Анна вела Михаила в прихожую. Власов судорожно расстёгивал белую блузку Анны, пока она не оттолкнула его слегка.

– Я сама, – Анна изящно избавлялась от одежды, не сводя глаз с Власова.

Её большие глаза горели ярким пламенем. Михаил ужасно возбудился, он пытался прижать Анну к себе, но она отталкивала его. После парочки таких попыток лицо Анны приобрело ужасно милое и возвышенное выражение. Власову казалось, что он пытается завоевать прекрасную ангело-

подобную девушку, которая спустилась с небес ради утешения его мятежной души. Поэтому когда Анна полностью обнажила свое истерзанное диетами и фитнесом атлетическое тело, после чего подошла к Власову и нежно провела рукой по его разгоряченной груди, Михаил закончил их, так и не начавшийся половой акт.

– Нда, – на милом лице Анны снова проступила циничная ухмылка. – А я ведь придумала целое шоу, а ты вот так взял и всё обломал.

– Я ... извини, – виновато промолвил Власов.

– Не знаю, иди выпей чего-нибудь. Может быть, на пьяную голову у тебя получится.

Михаил чувствовал себя полностью раздавленным. Никогда ещё в своей жизни он не был так унижен как мужчина. Власов сидел за своим письменным столом и пил водку из горла.

– Я облажался, – подумал он.

Через какое-то время к нему подошла Анна и ласково обняла.

– Не парься, всё нормально. Ты хороший парень, Миша.

Михаил бросил на Анну подавленный взгляд, Аня поцеловала его, не дав их взглядам соприкоснуться.

– Шоу должно продолжаться, хочешь ты этого или нет, – прошептала она.

Михаил был уже в стельку пьян, но все же не так сильно как когда его арестовывали. Анна подняла его со стула, её

тело скрывал красный шёлковый халат. Она поцеловала его украдкой, но поцелуй не смог зажечь Власова. Аня хихикнула и ухмыльнулась. Немного подумав, Анна опять попыталась воссоздать на своем лице тот ангелоподобный лик. Это дало некий результат. Михаил вдруг посмотрел на неё глазами русского поэта, увидевшего в русской березе лицо российской жизни. Власов крепко прижал Анну к себе и страстно вцепился в её губы. Анна не ожидала от него такой реакции, ей в очередной раз пришлось избавляться от объятий Михаила. Анна привела Михаила в ванную, медленно раздевала. Власов не подавал признаков сознательной деятельности. Он продолжал стоять истуканом, даже когда Анна затолкала его в душевую кабинку, сбросила с себя халат и вцепилась в его тело. От такой реакции она слегка рассердилась и опять решила импровизировать. Она обмылась, стараясь не намочить свои длинные волосы, и стала эротично намыливать свое тело, не сводя глаз с Власова. Михаил вроде бы стал подавать признаки жизни, но Анне этого было мало. Она окатила Власова потоком холодной воды из душа.

Холод действовал отрезвляюще. Михаил вроде бы приходил в себя, опьянение чувствовалось не как что-то сдавливающее, а как нечто легкое и приятное. Анна обняла его, он почувствовал её горячее намыленное тело, острое желание внезапно охватило всё пространство его разума. Власов прижал её к себе, Анна хихикнула, на её лице появилась ухмылка. Михаил поцеловал её и вошел в её тело. Анна была пра-

ва насчёт алкоголя. Акт их любви длился достаточно долго. Они смотрели друг другу в глаза, целовались, меняли позы. И вот они уже лежали в обнимку на дне душевой кабины.

Поздно ночью Власова разбудил телефонный звонок. Он встал с постели, стараясь не потревожить сон Анны. Это был Василий.

– Подваливай к шпилью, будешь проводить кастинг, – сказал грубый мужской голос.

– Вы же вроде бы отвергли мои наработки? – Михаил старался говорить так, чтобы Василию не казалось, что он только встал с постели.

Василий оборвал разговор, бросив трубку.

Вспомнив о своем привилегированном положении, Власов позвонил шофёру. К большому удивлению Михаила уже через пять минут к его подъезду подъехал стремительный черный БМВ. Шофёр Матвеев был свеж и выглядел гораздо лучше Михаила. Власов думал, что шофер был такой же деталью машины вроде руля или карбюратора. После объяснения маршрута, Михаилу почему-то захотелось узнать о нелегкой судьбе Матвеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.